

18+

Рита Рид

Ненасытен тобой

Рита Рид

Ненасытен тобой

<https://litres.ru/74503914>

ISBN 9785007129107

Аннотация

Я убил её отца.

А потом целый год следил за Аминой Потёмкиной. Хотел её так сильно, что уже не помнил, каково это — не хотеть. Знал о ней всё. Я не собирался влюбляться. Я просто хотел забрать. Когда появилась возможность — взял в жёны. Одевал кольцо ей на палец молча и уверенно. Внутри было только одно чувство — наконец-то она моя.

Теперь она смотрит на меня с яростью, а я ловлю себя на том, что хочу, чтобы она смотрела хоть как-нибудь только на меня. Но если она узнает правду — всё рухнет.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	67
Глава 6	71
Глава 7	85
Глава 8	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ненасытен тобой

Рита Рид

© Рита Рид, 2026

ISBN 978-5-0071-2910-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

— Мам, ну что ты с ума сошла?! — я хлопнула ладонью по шаткому кухонному столу так, что треснувшая чашка подпрыгнула, а ложка с глухим звоном упала на потёртый линолеум.

Мои кудрявые пепельно-белокурые волосы растрепались, несколько локонов прилипли к вспотевшему лбу. Орехово-охровые глаза с золотистыми крапинками сейчас пылали злостью и усталостью. В восемнадцать лет я уже выглядела старше: острые скулы, бледная кожа, плотно сжатые губы. Тонкая фигура в старой, слишком большой футболке отца казалась хрупкой, но внутри меня росла новая, жёсткая решимость.

Мама стояла у окна с потрескавшимся стеклом. Сорок два года, но последние дни состарили её на десятилетие. Светлые волосы с заметной сединой у корней, осунувшееся лицо, глубокие мешки под глазами. Когда-то ухоженная женщина теперь напоминала тень: тонкие бескровные губы, потухший взгляд, нервно теребящие край дешёвого свитера руки.

— Амина, хватит истерик, — устало ответила она, не оборачиваясь. — Алексей предложил реальную помощь. Квартира поближе к центру. Нормальная жизнь, как раньше. Что здесь страшного?

— Страшного?! — я сделала шаг вперёд, голос сорвал-

ся на хриплый шёпот. — Мам, отец умер полмесяца назад. Полмесяца! А ты уже собираешься к какому-то мужику, которого знаешь по переписке пару недель? Как ты могла так быстро предать его память?

Мама резко обернулась. В глазах мелькнула боль, но она быстро спрятала её за раздражением.

— Я не предаю. Твой отец оставил нас ни с чем. Дом на Рублёвке, счета, машины — всё забрали. Суды, приставы, «незаконное строительство», «отмывание». Мы остались должны всем. Ты это понимаешь? Мы на этой окраине, без копейки, а ты хочешь, чтобы я просто сидела здесь и ждала, пока всё окончательно рухнет?

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Роскошный дом в центре, водитель, привычная жизнь — всё превратилось в горькую насмешку. Отец был жёстким бизнесменом, но всегда заботливым. Сердце у него было в порядке. Он рассказывал нам обо всём — о болях, усталости, сделках. А потом внезапная остановка сердца в кабинете. Врачи пожали плечами. Следствие закрыли слишком быстро.

— Я не верю, что это было просто сердце, — тихо, но твёрдо сказала я. — Он всегда говорил, если что-то не так. Мы бы знали. Кто-то это устроил. И теперь всё забрали. Как по расписанию.

Мама отвела взгляд.

— Прекрати. Паранойя тебе не поможет. Алексей — это шанс вернуться. Большая квартира, обеспеченная жизнь. Он

серьёзный, с возможностями. С ним мы снова будем как раньше.

— Шанс? — я горько усмехнулась. — Или очередная клетка? Мы даже не знаем, кто он. А ты готова выйти за него, лишь бы не думать о том, почему отец умер. Чтобы снова жить за чей-то счёт и не работать.

Повисла тяжёлая тишина. Мама подошла ближе, но я отшатнулась.

— Ты изменилась, — прошептала она. — За эти полмесяца...

— Жизнь такая, — тихо ответила я. — Друзья первые разбежались, как только узнали, что мы обнищали. Юля, Лена, все эти мажорики — им была удобна богатая Амина. А бедная — нет. Никому не нужна. Теперь я это знаю.

Я вышла на крошечный балкон и захлопнула за собой дверь. Холодный вечерний ветер ударил в лицо, растрепал кудри. Я облокотилась на ржавые перила, глядя на серые панельки, мусорные баки и редкие огни московской окраины.

Почему отец умер? В голове крутились обрывки. Последние месяцы он был напряжённым. Звонил поздно, говорил странные вещи: «Если со мной что-то случится, береги маму». А потом — тело в кабинете, пустые глаза, никаких следов борьбы. Врачи сказали — сердце. Но он никогда не жаловался на него по-настоящему. Теперь мы переезжаем, и всё, что осталось от него, может потеряться навсегда.

Ветер усилился, принося запах пыли и дождя. Я закрыла

глаза. Жизнь оказалась жестокой. Ещё недавно мы жили в центре, а теперь — эта дыра на окраине. Пустая квартира, долги и мама, которая ищет нового мужчину, чтобы вернуть былую роскошь.

— Может, она права, — прошептала я себе под нос. — Может, это шанс. Но почему тогда внутри всё кричит, что мы идём в ловушку?

Я вернулась в комнату. Мама уже собирала вещи. Я молча прошла в угол, где стояла старая картонная коробка с вещами отца — то немного, что удалось спасти до того, как приставы описали всё. Я присела на корточки и начала перебирать содержимое: старые документы, записные книжки, пара фотографий.

Пальцы наткнулись на тяжёлый перстень. Большой, массивный, с тёмным камнем в центре и каким-то выгравированным символом. Он всегда носил его на мизинце. Это был его любимый перстень, символ того, кем он был. Я сжала кольцо в кулаке. Оно было холодным, но таким родным. Я быстро оглянулась на маму, которая стояла спиной, и сунула перстень в карман джинсов. Я не могла оставить его здесь. Это память об отце. Единственное, что по-настоящему принадлежало ему и теперь мне. Я буду хранить его. Всегда.

— Собирайся, — тихо сказала мама. — Алексей прислал машину. Через час поедem.

Я кивнула. Я сложила немногочисленные вещи — те, что удалось спасти. Никаких тёплых воспоминаний. Только хо-

лодная реальность: отец мёртв, всё отобрано, друзья предали. Теперь я это принимала как факт.

Чёрный внедорожник от Алексея ждал у подъезда. Водитель молча загрузил чемоданы. Я села сзади, мама рядом. Машина тронулась, оставляя позади серые коробки окраины. Мы ехали через ночную Москву — огни, пробки, высоты. Я смотрела в окно, но пальцы то и дело касались перстня в кармане. Он согревал ладонь, напоминая о сильных руках отца, о его голосе, о том, как он говорил, что я должна быть сильной.

Усталость навалилась внезапно. Глаза закрылись сами. Сон пришёл тяжёлый, липкий.

Я стояла на тёплом золотистом песке пляжа. Солнце ласково грело кожу, море спокойно мерцало. Лёгкий ветер играл моими кудрями. Сзади ко мне кто-то подошёл. Я не видела лица, только чувствовала присутствие. Тёплые сильные руки легли на мою талию, обхватили уверенно, почти собственнически. Тепло разлилось по телу, сердце забилось чаще. Это было приятно... и пугающе.

Внезапно руки начали холодеть. Тепло сменилось ледяным прикосновением. Голос, грубый и злой, зашептал прямо у уха:

— Ты моя.

Небо потемнело. Тучи быстро сгущались вокруг солнца, закрывая его. Ветер усилился, море начало бушевать. Вдали над водой закручивался огромный водяной столб — смерч,

который приближался к берегу, круша всё на своём пути. Руки сзади сжимались всё сильнее, уже причиняя боль.

— Ты моя, — повторил голос холодно и грубо.

Я попыталась вырваться, но не могла. Вдруг рядом появился отец. Он выглядел таким, каким я его помнила — сильным, живым. В руках у него был перстень. Он протянул мне его и тихо, но настойчиво сказал:

— Береги его. Он тебе поможет. Это всё, что у тебя осталось от меня. Не потеряй.

Я потянулась к кольцу, но отец начал таять, как дым. Смерч приближался, волны уже били по ногам. Голос за спиной засмеялся низко и страшно.

Я вздрогнула и открыла глаза. Машина ехала по широкой трассе. Мама тихо дремала, откинувшись на сиденье. Водитель молчал, глядя на дорогу. За окном мелькали огни нового района — того, куда вёз нас Алексей. Я незаметно достала перстень и покрутила в пальцах. Тяжёлый, надёжный. Память. Я не отдам его никому.

— Ты моя, — всё ещё звучало в голове. Чужой шёпот из сна не отпускал, теперь он казался ещё более реальным. Тёплые руки, которые стали ледяными, оставили странное, тревожное послевкусие.

Я сжала кулаки, глядя на приближающиеся высотки элитного комплекса. Новый дом, новая жизнь под крылом Алексея. Но внутри росло тёмное предчувствие. Отец, долги, предательство друзей — всё это не закончилось. Оно только на-

чиналось.

Машина свернула к освещённому подъезду. Я смотрела на роскошные фасады и чувствовала, как страх смешивается с холодной решимостью. Я сохраню память об отце. И я выживу в этом новом мире. Даже если для этого придётся спуститься в самую тьму Москвы.

Глава 2

Чёрный внедорожник от Алексея мягко катился по московским улицам, оставляя позади серые коробки нашей временной окраины. Я сидела сзади, прижавшись к прохладному стеклу, и смотрела, как город медленно меняется. Высотки постепенно сменялись более ухоженными районами, потом пошли знакомые богатые дома — высокие заборы, охрана у ворот, идеальные газоны, за которыми прятались особняки. Всё это было мне хорошо известно. Я жила в таком мире раньше. И знала, как быстро он может отобрать всё, оставив только пустоту и долги.

Мама не могла усидеть спокойно. Она то и дело поправляла волосы, теребила ремешок сумки и говорила, не умолкая ни на секунду.

— Представляешь, Амин... наконец-то у нас снова будет наша спокойная жизнь. Он зарабатывает деньги, а мы живём спокойной, обеспеченной жизнью — пусть так и остаётся. Без долгов, без этих ужасных квартир на окраине, где даже воздух пахнет нищетой. Всё вернётся на свои места. Мы снова будем как нормальная семья. Красивая, сытая, спокойная. Алексей такой... надёжный. Он всё решит.

В её голосе было столько отчаянной, почти детской надежды, что мне становилось физически неудобно. Для неё это была идеальная формула: он зарабатывает, она тратит, все

счастливы. Она уже видела себя в новом платье на каком-нибудь ужине, с бокалом вина в руке, и не хотела замечать ничего другого. Я же чувствовала только тяжесть в груди. Этот «новый старт» пах не свободой, а новой клеткой.

Владимир вёл машину почти бесшумно, словно сам автомобиль был частью этого идеального мира. Иногда он бросал быстрые взгляды в зеркало заднего вида, проверяя наши реакции, но лицо оставалось абсолютно нейтральным. Когда мы свернули к закрытому комплексу, я просто прижалась ближе к стеклу, без особого удивления. Я знала, как выглядят такие места.

Перед нами появился настоящий особняк — белоснежный, величественный, среди тщательно ухоженного сада. Аккуратно подстриженные деревья вдоль дорожек из светлой плитки, идеальный газон до последнего сантиметра, большой бассейн, сверкающий голубым пятном даже в пасмурный день, беседка, укрытая виноградной лозой. Каждый камень, каждый куст, каждая деталь ландшафта кричала о деньгах и полном контроле. Это был не просто дом. Это была крепость.

— Добро пожаловать, — произнёс Владимир нейтральным, почти безликим тоном и вышел первым, чтобы открыть нам дверь.

Мы прошли внутрь. Воздух был прохладным, свежим, с лёгким ароматом дорогого парфюма и новой мебели. Полы из тёмного полированного камня блестели глянцем настоль-

ко сильно, что в них отражалось моё лицо — бледное, с напряжёнными орехово-песочными глазами и растрёпанными золотистыми кудрями. И тут появился Алексей.

Он стоял в центре огромного холла, высокий, широкоплечий, излучающий абсолютную власть. Лет пятидесяти, может чуть больше. Тёмные волосы были уложены назад с идеальной, почти хирургической точностью, ни одной выбившейся пряди. Лицо — резкие, аристократические черты: высокие скулы, сильная челюсть, покрытая лёгкой щетиной, которая делала его ещё более мужественным и опасным. Глаза — холодные серо-стальные, с тяжёлым, пронизывающим взглядом, который, казалось, видел тебя насквозь и уже знал все твои слабости. Губы тонкие, красиво очерченные, способные как улыбаться обворожительно, так и складываться в жёсткую, безжалостную линию. Тело под дорогим тёмным костюмом — атлетическое, тренированное, с широкими плечами и узкой талией. Руки большие, сильные, с длинными пальцами и тяжёлыми часами на запястье, которые стоили, наверное, как весь наш прежний дом. От него веяло деньгами, властью, контролем и чем-то тёмным, почти животным, от чего по коже пробегали мурашки.

Он шагнул вперёд, прижал маму к себе одной рукой — жест был собственническим, но для неё выглядел нежным. Мама мгновенно расцвела, прижалась к нему, словно наконец нашла надёжную гавань после всех бурь.

В этот момент тихо подошла Мария — строгая женщина

средних лет в безупречном деловом костюме.

— Елизавета Владимировна, можно вас на пару минут? Нужно обговорить меню ужина, какие предпочтения у вас и у Амины Михайловны, что подать сегодня вечером, чтобы всё было идеально.

Мама кивнула с радостной улыбкой:

— Конечно, пойдём!

Они ушли вместе по коридору, оживлённо что-то обсуждая. Дверь за ними закрылась с тихим, но тяжёлым щелчком. Мы с Алексеем остались наедине.

Он медленно повернулся ко мне. Улыбка, которую он показывал маме, исчезла полностью. Остался только холодный, расчётливый взгляд. Он жестом указал на большой кожаный диван в гостиной. Я села. Он сел напротив в кресло, закинув ногу на ногу. Его присутствие заполняло всю комнату, давило, не давая вздохнуть свободно.

— Давай сразу всё расставим по местам, Амина, — начал он спокойно, но в голосе чувствовалась железная твёрдость. — Чтобы потом не было никакого недопонимания. Твоя мама получает то, что хочет. Деньги, этот дом, красивую жизнь, которую потеряла. Она счастлива. «Он зарабатывает деньги, а мы живём спокойной, обеспеченной жизнью» — пусть так и остаётся. Она думает, что я её люблю. Пусть продолжает так думать. Это всем удобно.

Он сделал небольшую паузу, глядя мне прямо в глаза. Его серо-стальной взгляд был тяжёлым, проникающим, словно

Он уже видел все мои мысли.

— А ты получаешь крышу над головой, безопасность, лучшее образование, которое только можно купить, и всё, что разумно пожелаешь. Одежда, гаджеты, поездки — в разумных пределах. Это хорошая сделка для всех. Но за всё в этой жизни нужно платить.

Я почувствовала, как внутри всё сжимается.

— Какова цена? — спросила я тихо, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Алексей наклонился чуть вперёд, опираясь локтями на колени. Его голос стал ниже, жёстче, почти интимным:

— Послушание. Полное и безоговорочное. Уважение ко мне и к правилам этого дома. Ты не лезешь в мои дела. Не задаёшь вопросов о том, чем я занимаюсь, с кем встречаюсь, как зарабатываю и с кем веду бизнес. Не пытаешься копаться в моём прошлом, в документах, в телефоне или в компьютере. Ты живёшь здесь как дочь, но с чёткими, железными границами. Если ты их нарушишь... если начнёшь мешать этому миру, который я построил для твоей матери... последствия будут очень-очень плохими. В этом мире за такие вещи платят очень дорого. И в первую очередь платить будешь ты.

Его слова падали тяжело, как камни в тихую воду. Он не кричал, не повышал голос. Он просто устанавливал правила, как хозяин, который уже считает тебя своей собственностью. В его глазах не было злости — только холодный расчёт и

абсолютная уверенность в своей власти.

— Я надеюсь, мы поняли друг друга, — закончил он тихо, не отводя взгляда. — Добро пожаловать домой, Амина. И помни: здесь я решаю, кто живёт спокойно, а кто — нет.

Воздух в комнате стал удушающим. Я чувствовала, как сердце колотится где-то в горле, но не отводила глаз. Этот человек был опасен. Очень опасен. И в то же время в нём было что-то тёмное и непредсказуемое, от чего внутри всё сжималось странной, тревожной смесью страха и вызова. Мы сидели в гостиной. Алексей только что закончил говорить, и воздух между нами всё ещё был тяжёлым, густым от напряжения. Я сидела в большом кожаном кресле, с прямой спиной, сжимая руки на коленях. Он смотрел на меня, не мигая, словно ждал, что я сломаюсь первой. Но я не собиралась. Я просто смотрела в ответ, показывая, что поняла каждое его слово. Послушание. Границы. Цена. Всё было ясно.

В этот момент дверь гостиной тихо открылась. Вошла Мария вместе с мамой. Мама выглядела довольной, почти сияющей — щёки слегка порозовели, глаза блестели. Она явно уже представляла себе, как будет жить в этом доме, тратить деньги Алексея и наслаждаться «спокойной, обеспеченной жизнью».

— Ну что, познакомились? — спросила мама весело, глядя то на меня, то на Алексея. — Ужин будет замечательный. Мария всё учтёт.

Алексей кивнул маме с лёгкой, тёплой улыбкой — той са-

мой, которую он приберегал только для неё.

— Конечно, дорогая. Иди, отдыхай пока. Амина сейчас осмотрит дом.

Мама кивнула и бросила на меня быстрый, почти умоляющий взгляд: «Пожалуйста, не испорть всё». Когда её шаги затихли в коридоре, Алексей посмотрел на меня ещё раз — холодно, оценивающе — и вышел следом, оставив меня с Марией.

Мария стояла спокойно, руки сложены перед собой. Ей было около сорока, строгая, подтянутая, с безупречной осанкой и взглядом человека, который давно привык к тому, что в этом доме всё должно быть идеально.

— Пройдёмте, Амина Михайловна, — сказала она ровным, вежливым тоном. — Я покажу вам дом.

Мы начали с первого этажа. Гостиная, в которой мы только что говорили с Алексеем, была огромной — высокие потолки, огромные окна от пола до потолка с видом на сад и бассейн. Мебель дорогая, минималистичная, но при этом уютная. Кожа, дерево, мягкий текстиль. Всё подобрано так, чтобы выглядеть дорого, но не кричаще. Я шла медленно, проводя пальцами по спинке дивана. Ткань была мягкой, почти шелковистой. Здесь можно было утонуть и забыть обо всём. Или, наоборот, утонуть по-настоящему.

— Гостиная используется для приёмов и отдыха, — объясняла Мария. — Алексей Сергеевич любит, когда здесь тихо и спокойно.

Я кивнула, но мысленно отметила: «Значит, сюда приводят важных людей. И здесь нельзя ошибиться ни словом, ни жестом».

Дальше — столовая. Длинный массивный стол из тёмного дерева, стулья с высокими спинками, хрустальные люстры. Всё готово к тому, чтобы здесь собиралась «семья» или важные гости. Я представила, как здесь будет сидеть Алексей во главе стола, а я напротив — и почувствовала лёгкий озноб.

Кухня для персонала была отдельной — там уже пахло свежей выпечкой. Повара работали тихо и слаженно. Мария показала мне всё, не пропуская ни одной детали.

— Если захотите что-то особенное — скажите мне заранее. Алексей Сергеевич любит, когда всё продумано.

Я кивнула. «Продумано. Контролируемо. Как и всё в этом доме».

Мы спустились в цокольный этаж. Спортзал с профессиональными тренажёрами, сауна, крытый бассейн с голубой подсветкой. Вода была идеально чистой, подсветка создавала ощущение подводного мира. Я остановилась у края бассейна, глядя на своё отражение в воде. Здесь можно было плавать ночью, когда весь дом спит. Или тонуть в тишине.

— Два бассейна, — сказала я. — Зачем?

Мария ответила спокойно:

— Один для гостей и отдыха, второй — личный, для тренировок. Дом большой. Каждый находит своё место.

Я усмехнулась про себя. «Каждый находит своё место.

Или ему его находят».

На втором этаже Мария показала несколько гостевых комнат (двери были закрыты) и наконец остановилась у моей.

— Ваша комната.

Она открыла дверь.

Комната была просторной и светлой. Белые матовые стены мягко отражали дневной свет. Широкое окно выходило на сад, а если выглянуть правее — открывался вид на далёкие высотки Москвы. Большая кровать с серым мягким пледом, высокий шкаф до потолка, туалетный столик с круглым зеркалом, тумбочка. На отдельной полке — мини-библиотека: мои любимые томики Пушкина вперемешку с новыми книгами в ярких обложках. Алексей явно постарался.

Я прошла внутрь, провела рукой по покрывалу. Ткань была дорогой, мягкой. Всё здесь кричало о заботе. И одновременно о контроле. Я чувствовала, как этот дом пытается оболакивать меня, сделать своей. Но я не собиралась сдаваться так легко.

— Если что-то не понравится — скажите. Мы всё изменим, — сказала Мария.

— Спасибо, — ответила я тихо. — Пока всё... красиво.

Мария кивнула и оставила меня одну.

Я закрыла дверь, села на кровать и достала из кармана перстень отца. Тяжёлый, тёплый от моего тела. Я сжала его в кулаке и закрыла глаза. «Я сохраню тебя. Я не дам этому дому меня сломать».

Потом начала разбирать вещи. Толстовка из старого дома, стопка любимых книг, несколько простых вещей. Я разложила их рядом с новыми, которые уже висели в шкафу. Старое и новое. Прошлое и настоящее. Я не собиралась отказываться от первого. Это была моя маленькая крепость внутри чужого мира.

Когда вещи были разложены, я почувствовала внезапную усталость. День был слишком долгим, слишком насыщенным эмоциями. Я легла на кровать, не раздеваясь, просто закрыла глаза на минуту. «Только на минуту...»

Неосознанно я заснула.

Мне снился отец. Он стоял на берегу того же пляжа, протягивал мне перстень и говорил: «Береги его. Он тебе поможет». А потом снова появился тот голос — холодный, грубый, шепчущий за спиной: «Ты моя». Руки легли на талию, сначала тёплые, потом ледяные. Море начало бушевать, над водой закрутился огромный водяной столб. Я проснулась резко, с колотящимся сердцем.

В комнате было уже темнее. За окном сад освещался мягкими фонарями. Я села на кровати, потёрла лицо. Сколько я спала? Полчаса? Час? Полдня? Тело было тяжёлым, но разум — ясным.

В дверь тихо постучали. Вошла мама. Она выглядела отдохнувшей, в новом платье, с лёгким макияжем.

— О, дочь, ты как? — спросила она мягко, подходя ближе. — Я заглянула, а ты спишь. На ужин собирайся. Алексей уже

в столовой, всё готово. Давай, милая, не заставляй нас ждать.

Я кивнула, поднимаясь с кровати.

— Сейчас. Я быстро.

Мама улыбнулась и вышла. Я подошла к шкафу. Там висели платья, которые, видимо, Алексей заранее закупил. Большинство были откровенными — глубокие вырезы, короткие подолы, блестящие ткани, которые кричали о желании сделать из меня красивую куклу. Я перебирала их с лёгким раздражением. Эти вещи были не для меня. Они были для той Амины, которую он хотел видеть — покорной, выставленной напоказ.

В самом конце шкафа висело единственное строгое чёрное платье — плотная ткань, длинные рукава, закрытый воротник, длина до пола. Никаких лишних деталей. Просто тёмная линия против всего этого балагана гламура. Я улыбнулась краешком губ. Это платье словно заняло позицию обороны среди этих вычурных нарядов и сразу стало своим.

Я переделалась медленно, ощущая тяжесть ткани как защиту от чужих взглядов. Длинные золотистые кудри оставила распущенными — мягкие волны падали на плечи. Лёгкий макияж: немного пудры, тонкая стрелка и прозрачный блеск на губах. Запах духов — едва уловимый, но глубокий, карамельный. Он обволакивал кожу тёплым, сладким облаком — густой, тягучей карамелью с нотками ванили и лёгкой горечью обжаренного сахара, словно кто-то растопил янтарь и смешал его с тёмным шоколадом. Этот аромат был одно-

временно нежным и соблазнительным, сладким до приторности, но с едва заметной жгучей послевкусией, которая не отпускала. Он словно говорил: «Я здесь. Я сладкая. Но если подойдёшь слишком близко — обожжёшься».

Туфли оставила в шкафу, надела белые кроссовки. Маленький бунт. Пусть видят, что я не собираюсь играть по их правилам полностью.

Перед зеркалом задержалась ненадолго. Я сама себе казалась странной смесью нового города и привычных ритуалов прошлой жизни. Не знаю, кем стану завтра утром, зато сейчас точно знаю, зачем пришла сюда вечером.

В дверь снова постучали. Мария напомнила, что ужин уже ждёт.

Я вышла из комнаты с прямой спиной. Сердце стучало сильно, но я шла уверенно. Этот дом хотел меня сломать. Я собиралась показать ему, что не так просто.

Я вошла в столовую. Стол был накрыт с безупречной точностью: белоснежная скатерть, сверкающий хрусталь, серебряные приборы, мягкий тёплый свет люстры, который падал на всё вокруг золотистыми бликами. Алексей сидел во главе стола, мама рядом с ним. Когда я появилась в дверях, он медленно поднял взгляд и улыбнулся — вежливо, почти тепло, как и положено в хорошей семье.

— Амина, — произнёс он спокойно и мягко. — Присоединяйся. Мы тебя ждали.

Я села рядом с мамой. Чёрное платье с длинными рука-

вами и белые кроссовки резко контрастировали с роскошью вокруг. Алексей заметил это сразу, но его улыбка осталась мягкой, почти отеческой.

— Красивый выбор, — сказал он ровно, с лёгкой ноткой одобрения. — Ты умеешь быть... своеобразной. Это интересно.

Мама улыбнулась, явно довольная, что ужин начинается в мирной атмосфере:

— Амина всегда была с характером. Это хорошо, правда?

Алексей кивнул, не отводя от меня взгляда. Его глаза были спокойными, почти доброжелательными, но в глубине них было что-то, что заставляло кожу покалывать. Он взял бокал с водой, медленно покрутил его в пальцах и продолжил тем же ровным, приятным голосом:

— В новом доме важно чувствовать себя комфортно. Мы все здесь для того, чтобы жить спокойно и обеспеченно. Главное — взаимопонимание и уважение друг к другу. Я уверен, мы найдём общий язык.

Его слова звучали так грациозно, так по-семейному, что со стороны могло показаться, будто это обычный ужин в обычной благополучной семье. Но я слышала подтекст. Каждое «взаимопонимание» и «уважение» было тонким напоминанием о том, что он сказал мне наедине. Он не угрожал. Он просто... устанавливал рамки. Красиво. Утончённо. Так, что только я понимала настоящий смысл.

Мама кивала, счастливо улыбаясь. Для неё всё было пре-

красно: он зарабатывает деньги, а мы живём спокойной, обеспеченной жизнью. Все счастливы. Она даже не замечала, как Алексей смотрит на меня — спокойно, но с холодной оценкой.

Я молчала, чувствуя, как внутри кипит ненависть. Алексей продолжал есть, изредка бросая на меня взгляды — вежливые, почти заботливые. Но я видела в них то, что скрывалось за этой маской. Он знал, что я всё поняла. И знал, что я ненавижу его за это.

— Как тебе комната? — спросил он вдруг, повернувшись ко мне с лёгкой улыбкой. — Мария показала всё? Если чего-то не хватает или хочешь изменить — скажи. Мы хотим, чтобы ты чувствовала себя как дома.

Его голос был тёплым, почти отеческим. Но я слышала скрытый смысл: «Ты здесь по моей милости. И я решаю, что тебе нужно».

— Комната красивая, — ответила я спокойно. — Спасибо.

— Рад, что тебе нравится, — он кивнул, продолжая есть. — В этом доме важно, чтобы всем было комфортно. Особенно тебе. Ты теперь часть нашей семьи.

Слово «семья» он произнёс так естественно, так красиво, что мама улыбнулась ещё шире. Но я почувствовала, как по спине пробежал холод. Это была не семья. Это была клетка, обитая бархатом.

Ужин продолжался. Алексей говорил мало, но каждое его

слово было продуманным. Он спрашивал меня о школе, о книгах, о том, чем я люблю заниматься. Всё звучало вежливо, заботливо. Но за каждым вопросом стоял контроль. Он изучал меня. Оценивал. Составлял досье.

— Ты любишь читать, — сказал он однажды, когда официантка сменила тарелки. — Это хорошо. Книги развивают ум. Главное — выбирать правильные. Те, которые помогают понимать мир таким, какой он есть.

Я кивнула, но внутри всё кипело. «Правильные». Он уже решал, что мне читать.

Мама была в своей стихии — улыбалась, рассказывала о планах на ближайшие дни, о том, как они с Алексеем поедут в театр или на выставку. Она была счастлива. Для неё он зарабатывал деньги, а мы жили спокойной, обеспеченной жизнью. Всё было идеально.

А я сидела напротив него и чувствовала, как ненависть медленно, но верно заполняет меня. Он был вежливым. Грациозным. Белым и пушистым на поверхности. Но я видела тьму за этой маской. И знала, что эта тьма уже начала меня душить.

Ужин уже шёл какое-то время. Мама оживлённо рассказывала о планах на ближайшие дни. Я сидела напротив Алексея и молчала, чувствуя, как ненависть медленно заполняет меня. Он был вежливым. Грациозным. Но я видела тьму за этой маской.

Алексей отложил вилку, взял бокал с водой и посмотрел

на меня с мягкой улыбкой.

— Амина, ты очень тихая сегодня, — сказал он спокойно, почти заботливо. — Устала с дороги? Или просто привыкаешь к новому дому? Не стесняйся. Здесь ты можешь говорить всё, что думаешь. Мы же теперь одна семья.

Его слова были такими тёплыми, такими правильными. Но я слышала в них скрытый смысл. Он напоминал мне о нашем разговоре наедине. О правилах. О границах.

— Я привыкаю, — ответила я тихо. — Спасибо.

— Это хорошо, — он кивнул. — Если что-то не устраивает — говори сразу. Мы хотим, чтобы ты чувствовала себя с каждым днём в этом доме всё лучше и лучше. Это важно для всех нас.

Каждое его «мы» и «для всех нас» было как удавка. Он включал меня в «семью», но на своих условиях. Мама улыбалась, кивая, а я чувствовала, как воздух в комнате становится всё тяжелее.

Алексей продолжал есть, но я видела, что он не закончил. Через несколько минут он снова посмотрел на меня.

— Ты знаешь, Амина, — сказал он мягко, — в таком доме, как наш, важно понимать своё место. Ты получаешь всё: красивую комнату, еду, безопасность. Многие девочки в твоём возрасте об этом только мечтают. А ты уже здесь. Это большая удача.

Его голос был ласковым, почти отеческим. Но каждое слово было рассчитано, чтобы напомнить мне, кто я здесь. За-

висимая. Благодарная. Под его крылом.

— Я понимаю, — ответила я, стараясь держать голос ровным.

— Это хорошо, — он улыбнулся. — Многие в твоём положении начинают капризничать, требовать больше, чем им дают. А ты, кажется, умнее. Ты понимаешь, что всё это — благодаря нам. Благодаря тому, что твоя мама сделала правильный выбор. И ты теперь тоже часть этого выбора.

Мама кивнула, счастливо соглашаясь. Для неё это звучало как забота. Для меня — как напоминание о моей зависимости.

Алексей продолжал, всё так же мягко:

— Ты молодая. Красивая. У тебя вся жизнь впереди. Но в этом мире важно не забывать, кто даёт тебе эту жизнь. Кто обеспечивает тебе крышу над головой, еду на столе, возможность учиться. Без этого... всё может очень быстро измениться. Не так ли?

Он говорил это так грациозно, так естественно, что со стороны могло показаться, будто он просто даёт жизненный совет. Но я слышала настоящее послание: «Ты зависишь от меня. Полностью. И если ты забудешь об этом — я напомню».

Я сжала кулаки под столом. Ненависть жгла горло.

— Я понимаю, — сказала я снова, но голос был чуть хриплым.

— Вот и отлично, — он улыбнулся. — Я рад, что мы понимаем друг друга. В нашей семье все должны быть на одной

волне. Это делает жизнь спокойной и счастливой. Для всех.

Мама кивала, а я чувствовала, как меня медленно, но верно душат этой «заботой». Он не кричал. Не угрожал. Он просто напоминал. Грациозно. Красиво. И от этого становилось ещё страшнее.

Я больше не могла сидеть за этим столом. Не могла смотреть на его спокойное лицо, на его улыбку, за которой пряталась полная власть надо мной и над мамой.

Я резко встала. Стул отъехал с громким скрипом.

— Я... не голодна, — сказала я тихо. — Пойду на улицу.

Мама удивлённо посмотрела на меня:

— Амина, что с тобой? Ужин же только начался...

Но я уже шла к двери. Алексей не остановил меня. Он просто смотрел мне вслед с той же мягкой улыбкой. Но я знала — он всё видел. И напоминал.

Я вышла на улицу. Ночной воздух ударил в лицо, холодный и свежий, с лёгким запахом мокрой травы и жасмина. Я шла быстро, почти бегом, словно хотела убежать от того удушающего ужина. Сердце колотилось где-то в горле, кулаки были сжаты так сильно, что ногти впивались в ладони. Я ненавидела его. Ненавидела этот дом. Ненавидела эту фальшивую улыбку, за которой пряталась полная власть.

Терраса вела в сад. Я шла по каменной дорожке, освещённой мягкими фонарями, которые бросали на землю длинные тени. Вокруг было тихо — только шелест листьев и далёкий шум города за забором. Сад был идеальным, как на картин-

ке: аккуратно подстриженные кусты, клумбы с цветами, которые даже ночью пахли сладко и приторно. Всё здесь было слишком красивым. Слишком правильным. Как и сам Алексей.

Я свернула к бассейну. Вода в нём светилась мягким голубым светом изнутри, отчего всё вокруг казалось нереальным, словно я попала в чей-то чужой сон. Шезлонги стояли ровными рядами, на одном из них лежал забытый плед. Я села на край шезлонга, поджала ноги под себя и обхватила колени руками. Кроссовки тихо скрипнули по пластиковой поверхности. Это был единственный звук, который принадлежал мне.

Вода в бассейне была абсолютно спокойной. Она отражала звёзды и мои мысли вперемешку. Я смотрела в эту искусственную голубую бездну и пыталась понять: кто я теперь? Девочка, которая потеряла отца, друзей, дом? Или новая Амина, которую пытаются вписать в этот идеальный мир?

Где-то там, внутри дома, мама смеялась вместе с Алексеем. А здесь была только тишина и редкие всплески воды от лёгкого ветерка. Мне хотелось быть сильной, но вместо силы приходила злость. Злость на то, как он говорил со мной — так вежливо, так заботливо, а на самом деле душил каждым словом. Злость на маму, которая ничего не видела. Злость на саму себя — за то, что я здесь, за то, что не могу просто встать и уйти навсегда.

Я била носком кроссовка по краю шезлонга — слишком

резко. И вдруг заметила, как что-то блеснуло в траве у самого бортика бассейна. Маленький металлический предмет почти скрыт между плиткой и стеблем жасмина. Он явно был здесь не случайно.

Я наклонилась ближе, осторожно подбирая его пальцами. Это была арбалетная пуля. Тяжёлая, холодная, с чёткой маркировкой «1985». Точно такие показывали нам на ОБЖ. Дорогая серия. Маленькая, но весомая вещь, которая несла в себе целую историю.

Откуда она взялась здесь? Кто мог её оставить? Случайность? Или предупреждение?

Я перебирала пальцами холодный металл. Ощущение было странным — будто эта пуля ждала именно моего прикосновения. Неужели это случайность? Или кто-то специально оставил её здесь, чтобы я нашла?

В голове мгновенно возникло лицо Алексея — его ровные движения за столом, прищуренные глаза, когда он говорил о «правильных» книгах и «взаимопонимании». Может быть, этот дом действительно другой ночью, чем днём? Что скрывают эти идеально чистые фасады?

А если Алексей вовсе не тот, кем хочет казаться? Иногда загадка спасает лучше любого оружия — просто потому, что ты вовремя перестал верить словам.

Я спрятала пулю в ладонь, словно секрет, который ещё долго будет жечь кожу сквозь все слои ткани. И подумала: «А вдруг я права? Может быть, опасность куда ближе, чем

кажется...»

Эта мысль осталась со мной дольше всех других — долго после того, как свет бассейна начал тускнеть вместе с уходящей ночью.

Я сидела у бассейна ещё долго. Ноги поджаты под себя, платье чёрной тенью лежит на шезлонге. Вода отражала звёзды, а я отражала свои мысли — тёмные, тяжёлые, полные ненависти и решимости. Перстень отца в комнате казался единственным тёплым пятном в этом ледяном мире.

Я не знала, что будет дальше. Но знала одно: я не сломаюсь. Даже если этот дом, этот человек и вся эта фальшивая «семья» будут душить меня каждый день.

Глава 3

Отец умер 12 августа.

Мой мир перевернулся в тот день. Всё до того дня было одним сплошным светом, всё после — чёрной, удушающей пустотой. Я помню каждую минуту того дня: как мама кричала в коридоре, как приехали врачи, как они вышли из кабинета отца с пустыми лицами и сказали: «Остановка сердца». Просто. Будто это объясняло всё. Будто это могло объяснить, почему человек, который всегда был моей опорой, вдруг просто перестал дышать.

Я сидела в своей комнате и смотрела на стену. Книга лежала на коленях, но буквы расплывались перед глазами. Отец всегда говорил мне: «Читай, Амина. Книги — это то, что никто не отберёт». Теперь у меня осталась только эта книга и пустота в груди, которая жгла, как открытая рана.

Я любила отца. Очень. Он был не просто родителем — он был человеком, который всегда был рядом. Когда мама уставала или злилась на жизнь, он брал меня за руку и уводил гулять. Мы ходили по старым дворам, ели мороженое и говорили обо всём на свете. Он рассказывал мне о своей работе, о том, как важно быть сильным и честным. «Мир жестокий, Амина, — говорил он. — Но ты должна быть сильнее него». Я верила ему. Я всегда верила.

Теперь его нет. И мама уже нашла себе нового мужчину.

Первые два дня после смерти отца мама плакала по-настоящему. Она сидела на кухне, закрыв лицо руками, и повторяла: «Как же так... Как же так...» Я обнимала её, и мы молчали вместе. Мне казалось, что мы хотя бы в этом горе вместе. Что это нас не сломает. Что мы сможем пережить это, как раньше переживали всё.

А потом, на третий день, всё изменилось.

Я услышала её голос из кухни — тихий, но уже другой. Она говорила по телефону. Смеялась. Не громко, но это был смех. Я замерла в коридоре, прижавшись к стене. Этот смех резал меня, как нож. Как она могла? Как она могла смеяться, когда отец ещё не остыл в могиле?

— Да... Нет, ты что... Конечно, я понимаю... Спасибо, что позвонил...

Имя Алексей я услышала впервые именно тогда. Мама говорила с ним так, словно он уже был частью её жизни. Словно отец умер не три дня назад, а три года назад.

Я вернулась в комнату и села на кровать. За окном сиял закат, я смотрела на него и думала: как быстро она нашла себе ухажёра. Как быстро решила, что можно жить дальше. Как быстро предала память об отце. Как быстро предала меня.

Я слышала, как мама продолжает общаться с ним. Звонки становились всё чаще. Она говорила с ним тихо, но я ловила обрывки фраз: «Да, я тоже скучаю...», «Конечно, приеду...», «Ты такой заботливый...». Иногда она включала видеозвонок. Однажды я случайно увидела его на экране — высокий,

уверенный, с холодным взглядом. Он улыбался маме, но мне показалось, что эта улыбка скрывает что-то тёмное. Я быстро ушла в свою комнату, но образ осталось в голове. Этот человек уже занял место моего отца. И мама позволила ему это.

Потом мама начала уезжать к Алексею. Сначала на вечер, потом на ночь. Она говорила: «Амина, всё у нас будет хорошо. Алексей — надёжный человек. Он заботится о нас». Я кивала, но внутри всё сжималось. Я знала, что она уже выбрала. Выбрала новую жизнь вместо памяти об отце.

Я сидела в комнате и вспоминала, как отец обнимал меня, когда мне было страшно. Как он говорил: «Я всегда буду с тобой». А теперь его нет. И мама уже спит в чужой постели. В постели человека, которого я даже не знаю. Человека, который появился так быстро, что у меня в голове не укладывалось.

Я ненавидела её за это. И ненавидела себя за то, что не могу её ненавидеть по-настоящему. Она моя мама. Она тоже страдала. Но почему так быстро? Почему она не могла хотя бы месяц побыть в горе? Почему она так легко нашла себе нового мужчину?

Потом начались скандалы. Я кричала, что она предает отца. Мама плакала и говорила, что жизнь продолжается. Что Алексей — это шанс для нас обеих. Что я должна понять. Я не понимала. Я ненавидела. Я кричала. А потом мы переехали.

Алексей и мама расписались по-тихому. Без гостей, без объявлений, почти тайно. Просто поставили подписи — и всё. Теперь он официально стал моим отчимом.

Теперь я здесь. В доме Алексея. В доме человека, который занял место моего отца. И я не знаю, как жить дальше.

Я сидела в своей комнате, всё ещё с книгой на коленях, когда дверь снова открылась. Вошла мама. Она выглядела отдохнувшей, в новом платье, с лёгким макияжем. Улыбка на её лице была мягкой, почти виноватой.

— Доченька, — сказала она тихо. — Сходи в магазин, купи себе что-нибудь. Вещи у тебя старые, изношенные. Надо возвращаться к комфорту. К нормальной жизни.

Я подняла взгляд. Внутри всё сжалось от обиды.

— Мам, я не хочу. Мне не нужно ничего.

Мама подошла ближе, села на край кровати и взяла меня за руку.

— Амина, пожалуйста. Это не для меня. Это для тебя. Ты заслуживаешь лучшего. Алексей хочет, чтобы ты чувствовала себя хорошо. Он дал карту. Возьми, посмотри. Просто прогуляйся.

Я молчала. Ненависть к этой ситуации жгла внутри, но я не хотела срываться. Не хотела снова кричать.

— Я не хочу тратить его деньги, — сказала я наконец. — Мне достаточно того, что есть.

Мама вздохнула, но улыбнулась, пытаясь разрядить момент.

— Ну хоть тушь и блеск для губ возьми. Девушке без этого никак. А то ходишь как серая мышка. Алексей не обидится, поверь. Он сам предложил.

Я посмотрела на неё. В её глазах была надежда, что я соглашусь. Что я приму эту новую жизнь. Я не хотела её расстраивать. Не хотела снова ругаться.

— Ладно, — сказала я тихо. — Только самое необходимое.

Мама улыбнулась, поцеловала меня в щёку и вышла. Я взяла карту, которую она оставила на тумбочке, и спустилась вниз. У подъезда уже ждал Владимир.

— Куда едем? — спросил он спокойно, открывая дверь машины.

— В центр. Просто посмотрим, — ответила я.

Машина тронулась. Владимир вёл её уверенно, молча. Я смотрела в окно и думала о отце. О том, как он бы никогда не позволил мне тратить деньги чужого мужчины. О том, как быстро мама забыла его.

Мы объехали несколько торговых центров. Я ходила по этажам, смотрела на витрины, но ничего не нравилось. Всё казалось чужим. Слишком ярким. Слишком дорогим. Я купила только тушь и блеск для губ. Больше ничего. Мне не хотелось тратить его деньги. Не хотелось чувствовать себя обязанной.

Владимир ходил со мной каждый раз «для безопасности». Когда мы подошли к машине, он положил мой маленький

пакетик покупок в машину и открыл дверь, но я не села сразу. Я посмотрела на него.

— Владимир, можно просто пройтись по улицам? Не по торговым центрам. Просто по городу.

Он на секунду замялся, но кивнул.

— Конечно.

Мы пошли по улицам. Я шла медленно, смотрела на дома, на людей, на обычную жизнь Москвы. Владимир шёл рядом, молча, профессионально держа дистанцию.

— Владимир, — сказала я наконец. — Вы давно работаете у Алексея?

Он посмотрел на меня, чуть прищурившись.

— Довольно давно.

— И как он? — спросила я. — Как человек?

Владимир молчал несколько секунд, потом ответил нейтрально:

— Хороший работодатель. Требовательный. Но справедливый.

Я почувствовала, что он не хочет говорить. Но я продолжала.

— А семья? У него большая семья? Или только мы теперь?

Владимир вздохнул, но всё-таки расслабился чуть-чуть.

— Была большая, многих не стало.

Я кивнула. Мы шли дальше. Улицы становились тише, ближе к жилым кварталам.

— А бизнес? — спросила я тихо. — Он занимается только строительством или есть что-то ещё?

Владимир остановился на секунду, посмотрел на меня.

— Есть ещё бизнес, — ответил он коротко. — Семья Соловьёвых всегда умела держаться на плаву.

Я повернулась к нему. Намёк был тонким, почти случайным. Но я поймала зацепку. Соловьёвы. Фамилия Алексея. Я ничего не знала о его прошлом. Только то, что он появился в нашей жизни слишком быстро.

— Что вы имеете в виду? — спросила я.

Владимир посмотрел в сторону.

— Не всегда всё решается просто. Иногда вопросы решаются намного жёстче. Главное — не лезть, куда не надо.

Я промолчала. Зацепка осталась в голове. Что-то тёмное. Что-то, что я должна узнать.

Мы продолжили идти. Я чувствовала, как Владимир расслабляется в моей компании. Он начал говорить чуть больше — о погоде, о Москве, о том, как меняется город. Но я уже знала: за всем этим скрывается что-то большее. И я собиралась это узнать.

Мы дошли обратно до машины. Сели. Решили ехать домой. Машина тронулась, и я смотрела в окно, пытаюсь собрать мысли. Но вдруг заметила небольшую библиотеку в старом здании. Она выглядела уютно и по-домашнему — не огромный современный комплекс, а именно то место, где хочется задержаться.

Я заметила её через окно машины и внезапно сказала:

— Владимир, останови, пожалуйста. Я схожу одна, быстро посмотрю и приду.

Владимир кивнул и припарковался. Я попросила его подождать в машине — хотела побыть одна. Он не возражал. Я вышла и вошла в библиотеку.

Внутри было тихо и тепло. Запах старых книг, кофе и дерева. Полки тянулись до потолка, лестницы вели на разные этажи, где стояли удобные диванчики для чтения. Люди сидели, листали книги, кто-то тихо разговаривал. В углу была небольшая кафешка — несколько столиков, мягкие кресла, аромат свежесваренного кофе.

Я прошла по полкам, пальцами проводя по корешкам. Знакомые имена: Пушкин, Толстой, Достоевский. Классика, которую я любила. Потом современные авторы, исторические книги. Я бродила, как в тумане, пытаюсь отвлечься от всего, что произошло за последние дни. А чуть дальше, в глубине зала, я заметила застеклённую комнату, похожую на аквариум. Там проходил живой подкаст. Люди сидели внутри, внимательно слушали, а снаружи царила тишина — стекло защищало остальных читателей от громких звуков. Голос был тихий из-за стекла, но чёткий.

Потом я подошла ближе к этой прозрачной комнате. Там мужчина средних лет, с седеющими волосами, рассказывал историю. Голос у него был завораживающий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Я остановилась у стекла и прислушалась.

— ...и вот тогда-то всё и началось, — говорил он. — Вражда между семьями Кутузовых и Соловьёвых тянется уже давно. Но особенно остро она вспыхнула в семидесятых-восемидесятых. В 1985 году Сергей Аркадьевич Соловьёв, глава одной из влиятельных семей, по глупости или в пьяном споре стал причиной того, что Егор Дмитриевич Кутузов умер. Поговаривают, Сергей Аркадьевич убил его не просто так, а с определённой целью.

Я замерла. Фамилия Соловьёв резанула слух. Я стояла, не в силах отойти.

Мужчина продолжал, голос его звучал почти гипнотически:

— Олег Егорович, сын погибшего Егора Дмитриевича, это просто так не оставил. В 1990 году Сергея Аркадьевича Соловьёва не стало. Тогда все думали, что это рак лёгких. Но все сведения сводились к тому, что лёгкие у него стали плохи после приёма Кутузова. И возможно, поговаривают, это произошло запланировано.

Были ещё люди, которые сидели на двух стульях. Например, Михаил Потёмкин. Он работал на Кутузова, но и бегал к Соловьёву. Двойная игра. Классика тех времён. Михаил Потёмкин был хитрым человеком, умел лавировать между двумя семьями, брал деньги от обеих сторон, передавал информацию, организовывал встречи. Он был тем, кто держал связь между ними, но в итоге сам стал жертвой этой вражды. Умер в этом году, 12 августа. Совпадение? Или судьба

решила поставить точку.

Я слушала, не дыша. Потёмкин. Моя фамилия. Михаил Потёмкин. Мой отец. Я стояла, не в силах отойти. Это было слишком близко. Слишком реально. Я начала накручивать себя: а вдруг это не просто совпадение? Вдруг это связано? Вдруг я тоже часть этой истории? Но потом отогнала эти мысли. Просто история. Просто старые дела.

— А сейчас, — продолжал рассказчик, — у Кутузовых родилось два сына — Ярослав и Мирослав. Алексей Соловьёв не выскакивает. Вражда притихла, но не исчезла. Кто знает, может быть, эта война ещё продолжится. И наследница Потёмкина, единственная его любимая дочь Амина, будет ли она жертвой всех обстоятельств. Потому что, может быть, Потёмкин и умер, но, как говорят, за родительские долги расплачиваются дети.

Я оцепенела. Шок был таким сильным, что ноги подкосились. Я стояла на ступенях, не в силах сделать ни шагу. Всё, что я только что услышала, обрушилось на меня тяжёлым, удушающим грузом. Отец сидел на двух стульях — работал и на две семьи. Он работал на Олега Егоровича Кутузова, но бегал и к Сергею Аркадьевичу Соловьёву. Брал деньги от обеих сторон, передавал информацию, лавировал между ними, как настоящий мастер двойной игры. И умер... его смерть в августе этого года — это не случайность и не естественный конец. Внезапно всё получило подтверждение.

А теперь ещё и я. Наследница. Единственная дочь. Меня

может ждать то же самое? Меня просто так не оставят? Я боялась даже думать об этом. А что, если Алексей Соловьёв, мой отчим, всё это время играл мной через маму? Использовал нашу семью, чтобы получить какую-то выгоду, закрыть старые долги или, наоборот, продолжить эту тихую войну? Так много вопросов и так мало ответов. Почему мама никогда ничего не рассказывала? Насколько глубоко она сама в этом замешана? И что теперь делать мне? Бежать? Спрашивать напрямую? Или продолжать притворяться, что ничего не знаю?

Руки дрожали. В голове крутилось каждое слово старика: 1985 год, 1990 год, исчезнувшие отцы, затаившаяся вражда. Сыновья — Ярослав, Мирослав. Алексей Соловьёв. Её отчим. Всё, что я думала, было историей чужих людей, вдруг оказалось историей её собственной. Я не знала, как это принять. Как это переварить. Я пыталась дышать ровно, но воздух казался тяжёлым. Люди проходили мимо, кто-то смеялся, кто-то торопился, а она стояла неподвижно, будто её приковало к месту. В голове снова звучал голос рассказчика: «А кто знает, может быть, эта война ещё продолжится.»

Она моргнула. Хотела сказать себе, что это просто история, просто слухи, просто старые дела, но не могла. Слишком много совпадений. Слишком много имён. Она спустилась по ступеням, не глядя по сторонам. Ноги сами несли её к машине. Владимир стоял у двери, увидел её лицо и молчал. Она не села сразу. Просто стояла, глядя в асфальт. Внутри

всё перевернулось. Она думала, что узнаёт прошлое чужих людей. А оказалось — своё. И теперь она не знает, что с этим делать.

Я вернулась домой. Машина остановилась у ворот, Владимир молча открыл дверь. Я вышла, не сказав ни слова. Ноги всё ещё дрожали, в голове крутились слова из подкаста, как эхо в пустой комнате. Я вошла в дом, чувствуя, как стены давят на меня. Всё здесь казалось теперь не просто роскошным, а опасным. Каждый угол, каждая дверь, каждый взгляд скрывал что-то, чего я не знала. Или знала, но боялась признать.

Мама была в гостиной. Она сидела за столом, пила чай из дорогой фарфоровой чашки. Когда я вошла, она подняла взгляд и улыбнулась.

— Амина, ты уже вернулась? Как прошёл день? Купила что-нибудь?

Я кивнула, пытаясь держать голос ровным.

— Да, немного. Мам, можно с тобой поговорить?

Мама поставила чашку на стол и жестом пригласила меня сесть напротив.

— Конечно, доченька. Что случилось?

Я села. Руки слегка дрожали, когда я взяла свою чашку с чаем. Чай был горячим, ароматным, но я почти не чувствовала вкуса. Я смотрела на маму и пыталась собрать мысли. Как спросить? Как не выдать, что я знаю слишком много?

— Мам, — начала я тихо. — Ты знаешь, чем занимается

Алексей? Какой у него бизнес? Я имею в виду, кроме строительства.

Мама на секунду замерла. Её улыбка стала чуть напряжённой.

— Зачем тебе это, Амина? Алексей занимается бизнесом. Строительство, недвижимость. Всё легально. Почему ты спрашиваешь?

Я пожала плечами, пытаюсь выглядеть спокойно.

— Просто интересно. Мы теперь живём здесь. Я хочу знать, чем он занимается.

Мама вздохнула, отхлебнула чай.

— Алексей — успешный человек. У него много проектов. Он помогает нам, это главное. Не нужно лезть в его дела. Это не наше.

Я кивнула, но внутри всё сжималось. «Не наше». Как будто я уже не часть этой семьи. Как будто я чужая.

— А отец? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Чем он занимался? Ты никогда не рассказывала подробно.

Мама поставила чашку. Её взгляд стал чуть жёстче.

— Зачем тебе это сейчас, Амина? Отец работал в бизнесе. Строительство, поставки. Ничего особенного. Почему ты вдруг спрашиваешь?

Я смотрела в чашку, пытаюсь найти слова. Я хотела признаться. Хотела сказать, что слышала подкаст, что знаю про отца, про Соловьёвых, про Кутузовых. Но что-то остановило

меня. Я не могла. Не сейчас. Не здесь. У меня своя голова на плечах. Я должна узнать правду сама.

— Просто интересно, — сказала я, стараясь улыбнуться.

— Мы же семья. Я хочу знать нашу историю.

Мама посмотрела на меня долго. Потом вздохнула.

— Отец был хорошим человеком. Работал много. Иногда с людьми, которые... не всегда были честными. Но он старался. Алексей тоже старается. Не нужно копать слишком глубоко, Амина. Это может быть опасно.

Я кивнула. «Опасно». Это слово повисло в воздухе, как предупреждение. Я отпила чай, пытаюсь скрыть дрожь в руках. Мама продолжала говорить, но я уже не слушала. В голове крутились слова из подкаста. Отец сидел на двух стульях. Он работал на обе стороны. И умер не просто так. Мои догадки подтвердились. Но что теперь? Что мне делать с этим знанием?

Мы сидели так ещё долго. Мама рассказывала о планах на выходные, о том, как Алексей хочет поехать в театр. Я кивала, улыбалась, но внутри всё кипело. Я не могла сказать ей правду. Не могла сказать, что знаю про отца. Про его двойную игру. Про то, что он, возможно, был убит. Про то, что я теперь цель всей этой вражды.

Когда мама ушла спать, я осталась одна. Я сидела в гостиной, глядя в окно на тёмный сад. В голове крутились вопросы. Почему отец сидел на двух стульях? Что он хотел получить? Почему он не сказал мне? И что теперь будет со мной?

Буду ли я следующей?

Я встала и пошла в свою комнату. Перстень отца лежал на тумбочке. Я взяла его в руку, сжала. «Я узнаю правду, — подумала я. — Я не позволю им использовать меня. Я не позволю им заставить меня платить за твои долги, папа».

Ночь была длинной. Я не спала. Я думала. Я планировала. Я боялась. Но я знала: я не сломаюсь. Я найду ответы. Даже если это будет стоить мне всего.

Глава 4

Утро первого сентября началось для Амины ещё до рассвета. Она долго ворочалась под прохладным одеялом. Сон никак не хотел отпускать её из своего липкого плена. За окном едва серело. Панорамные стёкла были покрыты росой. Город выглядел чужим и далёким. Сегодня был тот самый день. Последний первый звонок в жизни. Первая встреча с новым классом. Первый раз среди совершенно новых людей.

Она лежала несколько минут без движения и прислушивалась к себе. Сердце билось чуть быстрее обычного. В животе тянуло тревогой, странной тяжестью. Казалось бы, школу она уже проходила десятки раз раньше. Но именно сегодня страх оказаться лишней обострился до предела.

Вставать совершенно не хотелось. Но она заставила себя подняться. Ноги скользнули на пушистый ковёр и тут же почувствовали холод пола через тонкие носки. Привычное движение рукой по локону — золотисто-блондинистые кудри распались мягкими завитками по плечам.

Амина взяла полотенце и пошла в ванную комнату. Здесь всегда пахло мятой шампуня и дорогими гелями для тела от лучших марок мира. Она включила воду погорячее. Пар начал быстро наполнять пространство зеркальной дымкой. Поток воды пробежался по коже сначала ледяной мурашкой вдоль позвоночника, потом согрел плечи приятным жаром.

Закрыв глаза, она дала струям промыть густые кудри. Свои упрямые пряди нужно было намыливать аккуратно дважды для объёма. Потом — бальзам почти до самых кончиков.

Медленно выжимая волосы руками над раковиной, она поймала отражение лица. Какое-то непривычно взрослое после лета. Глаза кажутся темнее. Скулы чётче. Улыбка исчезает сама собой, как только взгляд становится слишком внимательным. «Что если я никому там не понравлюсь?» — мысль резанула остро. Стало даже немного смешно. Вроде бы достойный дом, красивая одежда, идеальные условия. А внутри всё равно ощущение хрупкости. Будто весь этот комфорт может исчезнуть при первом неправильном слове или взгляде нового одноклассника.

Собиралась медленно. Долго смотрела на форму: белую блузку и синюю юбку-карандаш. Надела всё по порядку, без лишней суеты. Кардиган гимназии застегнула на пуговицы — так было спокойнее. Туфли чёрные, простые, по уставу. Новые, аккуратные, ничем особо не выделяющиеся, кроме своей чистоты.

На шею повесила серебряную цепочку. Пару колец оставила на пальцах ради настроения.

Когда вышла из комнаты, коридоры были полупустыми. Горничная Лена как раз протирала перила лестницы сухой тряпкой. При виде Амины она коротко кивнула.

— Доброе утро.

Тон ровный, профессиональный. Ни одной лишней де-

тали. Ни попытки заговорить дольше, чем требуется. Простая смена приветствий между людьми разных миров. Почти невидимый жест уважения юной хозяйке дома.

На кухне царило привычное оживление. Повар Михаил расставлял тарелки ловко и молча. Одним движением убрал со стола фруктовую вазу, когда появилась Амина. Она заметила это боковым зрением. Никто из персонала никогда первым не заговаривал с ней, если этого явно не требовала ситуация.

Завтрак прошёл быстро. Мама мельком спросила о планах, я ей коротко ответила.

Через несколько минут я беру рюкзак со всеми нужными вещами для школы и спокойно спускаюсь вниз, во двор, самостоятельно. Во дворе уже стоит машина. Владимир ожидает рядом с автомобилем. Спокойный, собранный, держится прямо, опираясь обеими руками на капот. Он кивает мне в знак приветствия. Я тоже слегка киваю ему в ответ. Так мы обычно здороваемся между собой. И без лишних слов сажусь на заднее сиденье с рюкзаком.

Только после того, как мы выехали со двора, я спрашиваю негромко:

— Далеко отсюда школа?

Его голос тоже спокойный, но куда менее формальный, чем обычно.

— Минут пятнадцать, максимум, если пробок нет.

Я улыбаюсь про себя, смотрю в окно, а он расслабляется

за рулём, отпускаю руки чуть свободнее, чем позволял себе раньше.

Поездка проходит почти молча. Мы оба делаем вид, что заняты своими мыслями.

Перед школой Владимир желает мне успеха стандартной фразой:

— Желаю хорошего дня.

Без лишних эмоций. Я отвечаю коротко:

— Спасибо.

Сама выхожу из машины, захлопываю за собой дверь. И впервые за утро чувствую лёгкую уверенность, хоть даже временную.

Толпа перед школой гудела с самого утра. Флаги на входе. Цветы у первоклассников и родители с камерами наперевес. Я шла вдоль ограды. В животе перемешались тревога и упрямая уверенность. Справлюсь. Возле крыльца выстроились малыши для торжественной линейки. Одиннадцатиклассники спокойно проходили мимо всей этой суеты к своим классам. Им уже не нужны были официальные речи или аплодисменты в полной мере, но они всё равно присутствовали на линейке как старшие.

Внутри школьного двора пахло свежей краской и бумагой. Я медленно шла по двору, разглядывая таблички на классах. Нашла свой класс — 11 «А». Рядом стояла молодая женщина лет двадцати семи. Светлые волосы собраны в аккуратный хвост. Улыбка тёплая, но немного уставшая.

— Здравствуйте, — сказала я тихо. — Я Потёмкина Амина.

Женщина кивнула, протянула руку.

— Елена Владимировна, ваш классный руководитель. Проходи, становись ближе к классу.

Я вошла в свой ряд. Я стояла среди одноклассников, чувствуя, как взгляды иногда скользят по мне. Линейка началась. Директор говорил о важности учёбы, о новых целях, о традициях гимназии. Я слушала, но мысли были далеко. Я думала о том, как буду учиться здесь, среди этих людей.

После линейки все вернулись в кабинет. Первый урок был вводным. Елена Владимировна рассказывала о правилах поведения. Предстоящих экзаменах. Напоминала про важность дисциплины и упоминала традиции гимназии для новых учеников.

Я рассматривала одноклассников. Высокий светловолосый парень сидел у окна. Он казался уверенным, но немного отстранённым. Девушка с яркой помадой смотрела на доску, но иногда бросала взгляды по сторонам. Блондинка рядом с ней переписывалась с кем-то под партой. Трое девушек, которые сидели впереди меня, выглядели дружными, но при этом внимательно изучали меня.

После звонка все потянулись в коридор. Три девушки подошли дружелюбным тоном познакомиться. Улыбаясь искренне, но чуть насторожённо, каждая назвалась по имени. Одна из них, Алина, протянула руку вперёд. Приветливо

склонив голову набок. Тонкая серебряная цепочка блестела вокруг её запястья.

— Ты давно переехала? — спросила Алина, внимательно смотря прямо мне в глаза.

Я ответила чётко и спокойно.

— Переехали совсем недавно всей семьёй.

Вторая девушка, Настя, поправляет волосы за ухом, наблюдая за разговором внимательным взглядом.

— Сложно привыкнуть наверное... Я когда переходила сюда, тоже неделю ходила как во сне... — произносит Настя задумчиво, покусывая губу от воспоминаний о собственных первых днях здесь.

Третья, Даша, прикрывает рот рукой, словно боится показаться слишком шумной.

— Главное тут быть самой собой! — говорит она добродушно, наклоня голову к плечу.

На мгновение они все замолкают, размышляя над словами друг друга, потом переглядываются понимающим женским жестом. Их губы расплываются в лёгких полуулыбках, а напряжение рассеивается само собой.

Мы пошли в столовую. Алина, Настя и Даша шли рядом со мной. Они говорили о школе, о преподавателях, о том, как здесь всё устроено. Я отвечала коротко, но уже не так сухо. Они постепенно разговорили меня. Я стала разговорчивее. Мы сели за один столик. Мальчики, Игорь и Артём, подошли к нам. Игорь высокий парень со светлыми волосами. Артём

пониже, в очках.

— Вы идёте в столовую? — спросил Игорь, слегка усмехаясь, держа рюкзак одной рукой, а другой показывая дорогу впереди себя.

Мы пошли вместе. За столиками продолжалось знакомство. Настя кидает взгляд поверх очков, наклоняется чуть ближе ко мне.

— Чем ты любишь заниматься помимо школы?

Её голос спокойный, но взгляд тёплый, заинтересованный. Пальцы ритмично перебирают край салфетки. Я ответила чётко.

— Я много лет занималась танцами, особенно современными направлениями вроде джаз-фанка. Мне это всегда давало силы. Плюс очень люблю читать, могу сутками пропадать за книгами...

Алина моргает пару раз, качает головой, будто примеряет информацию, улыбается уголком рта спокойно, без лишнего восторга.

— Ого, совпадение. Я тоже занимаюсь джаз-фанком. Тут недалеко есть студия около торгового центра. Занятия неплохие. Можешь попробовать сходить, если захочешь. Я тебе дам номер тренера. Хочешь?

Я киваю сразу же, чувствуя прилив радости, вынимаю телефон, записываю номер Алины. Наши пальцы случайно соприкасаются. Мы обе смущаемся, коротко смеясь.

Настя пододвигает стакан поближе, касается рукавом ру-

ки Амины.

— Если любишь читать, приходи ко мне на кружок журналистики. Он проходит каждую среду после уроков. Там здорово. Можно писать статьи, обсуждать книги, иногда брать интервью. Давай попробуем вместе?

Голос Насти звучит увлечённо. Глаза сияют интересом. Подбородок подперт кулаком. Она выглядит воодушевлённой новым союзником.

— Правда, интересно было бы попробовать! Я никогда не была ни в каком литературном клубе...

Даша закатывает глаза театральным жестом, бросает салфетку обратно на поднос, хмыкает весело.

— Ой, ну начинается опять эта ваша журналистика. Скукота!

Алина поддерживает шутку, машет ложкой, изображая усталость.

— Да лучше бы книжек меньше читали, больше гуляли. Честное слово!

При этом обе смеются тепло, явно дразнят нас без злобы. Мальчики доедают десерт, собираются уходить вперёд по своим делам. Компания остаётся вчетвером.

Настя хитро щурится, наклоняется поближе ко всем.

— Ну вот опять ушёл этот твой Игорь... Даша, ну когда ты его перестанешь держать во френдзоне?

Алина усмехается нежным голосом, поглаживая локон волос пальцами.

— Он давно же тебя любит. Ты что, правда этого не замечаешь?

Даша закатывает глаза, пытаюсь сохранить невозмутимость, машет рукой.

— Да бросьте вы, он просто хороший друг. Ничего больше...

Щеки её становятся розовыми, а глаза опускаются вниз. Она застеснялась, явно смущаясь внимания подруг.

Уроки проходят спокойнее, чем утром. Девочки постепенно принимает меня внутрь своего круга. На занятиях мы иногда переглядываемся, пересылаем короткие записочки через парту, шепчемся о преподавателях. Обстановка становится родней.

После последнего урока суматоха гардероба сменяется нетерпением. Девочки выходят из класса, весело спорят, куда идти дальше. Даша сияет зелёными глазами, легко подпрыгивает от возбуждения.

— Ну что, пойдём гулять сейчас? Пока ещё солнечно!

Настя кивает, соглашаясь. Волосы рассыпаются по плечам. Движение лёгкое, живое.

Алина задумчиво морщит нос, переводит взгляд то на улицу, то обратно. Затем ловит солнечный блик браслетом, скользящим по запястью. Она смотрит вопросительно и приветливо прямо на меня, будто приглашая разделить прогулку вместе.

Я достаю телефон, быстро пишу маме сообщение, полу-

чаю разрешение, улыбаюсь телефону, киваю девочкам, давая знак, что мне можно пойти гулять. Наша компания выходит из школы навстречу городу, который вдруг кажется менее чужим.

Мы вышли из школы. Солнце ещё грело по-летнему, но в воздухе уже витала лёгкая прохлада ранней осени — та самая, которая пробирает до костей, если постоять на ветру чуть дольше обычного. Листья на деревьях только начали желтеть по краям, но пока ещё крепко держались на ветвях. Девочки шли рядом со мной плотной стайкой: Алина, Настя и Даша. Они болтали без умолку, перебивая друг друга, смеялись над школьными глупостями, которые только что произошли на последнем уроке. Я слушала их вполуха, иногда вставляла короткие реплики, кивала, улыбалась уголком губ. Внутри меня всё ещё было холодно и пусто после тяжёлого дня, но их тепло постепенно проникало сквозь мою невидимую броню, отогревая хотя бы немного.

Мы свернули на тихую улочку, ведущую к реке. Ветер принёс запах свежесваренного кофе из маленьких киосков вдоль тротуара — аромат крепкого эспрессо смешивался с ванилью и корицей от соседней кондитерской. Впереди из чьей-то портативной колонки лилась негромкая музыка — что-то лёгкое, летнее. Подростки у фонтана громко смеялись, бросая монетки в воду и загадывая желания.

Парк раскинулся перед нами широкими, ухоженными аллеями вдоль берега реки. Здесь всегда кипела жизнь. Моло-

дые родители катали малышей на ярких велосипедах-бего-
велах, дети постарше носились по газонам, а ребята нашего
возраста спорили о фильмах и сериалах, сидя на ступеньках
амфитеатра напротив воды. Неподалёку торговали мороже-
ным в ярких палатках, ларьки с хот-догами и свежей выпеч-
кой манили запахами. Столики небольшого кафе теснились
около кованых перил набережной под яркими полосатыми
зонтами — красными, синими, жёлтыми. Чуть дальше ка-
менный мост уходил в сторону центра города, а шум машин
растворялся в ровном гуле человеческих голосов, плеске во-
ды и криках чаек.

Мы устроились за свободным столиком ближе к воде. Де-
вочки продолжали свою болтовню. Алина рассказывала оче-
редную смешную историю про учителя математики. Настя
заливисто смеялась, Даша вставляла острые комментарии.
Мы ещё не успели даже подозвать официанта, чтобы зака-
зать мороженое, когда раздался резкий пронзительный крик,
визг тормозов, глухой удар металла. Толпа начала собирать-
ся буквально за пару минут около проезжей части, которая
проходила прямо у края парка.

— Там что-то случилось! — воскликнула Даша, припод-
нимаясь со стула и вытягивая шею вперёд, настороженно шу-
рясь.

Мы встали почти одновременно и подошли ближе груп-
пой, держась друг друга за локти, чтобы не потеряться в
быстро растущей толпе. Люди вытягивали телефоны, шепта-

лись, кто-то уже снимал на видео. Перед нами развернулась картина ДТП.

Сначала я увидела обычного участника аварии — мужчину лет сорока пяти. Он выглядел как типичный представитель среднего класса: простая клетчатая рубашка, джинсы, слегка потрёпанные кроссовки. Лицо усталое, с заметными морщинами на лбу и вокруг глаз. Волосы русые, с сединой на висках, слегка растрёпанные. Его серебристая легковушка — старенькая, но ухоженная — стояла со сильно смятой дверью со стороны водителя, разбитой фарой и ободранной краской. Мужчина размахивал руками, лицо красное от возмущения, голос дрожал от злости и бессилия. Он повернулся прямо к Ярославу и громко выкрикнул:

— Это ты выскочил! Я поворачивал по правилам, а ты даже не смотрел!

Рядом с его машиной возвышался чёрный Rolls-Royce Phantom последней модели — матовый, массивный, идеально чистый даже после столкновения. Он выглядел как настоящий хищник среди обычных машин.

В толпе сразу пошёл оживлённый ропот.

— Это же Ярослав Кутузов, тот самый бизнесмен, — громко сказала какая-то женщина рядом с нами.

Я повернулась к девочкам.

— А кто это? — спросила я тихо.

Алина наклонилась ближе, понизив голос, но достаточно громко, чтобы слышали все мы:

— Ярослав Кутузов. Очень богатый, влиятельный. Старший брат нашего одноклассника Мирослава Кутузова, того, которого сегодня не было в школе. Помнишь, Мирослав иногда хвастался?

Настя кивнула энергично:

— Помню. Он вообще везде. Бизнес, недвижимость, большие проекты в центре.

Даша посмотрела по сторонам и добавила чуть тише:

— Но он не всегда ведёт всё легально и честно. Слышала истории про его дела. Недвижка в центре, откаты, серые схемы с землёй, контракты, которые выигрывает не потому что лучший, а потому что «нужные люди». Говорят, даже с криминалом какие-то старые связи остались. Не прям бандит, но... чуть-чуть на грани. Люди боятся с ним связываться.

Я сразу вспомнила те обрывочные разговоры в библиотеке пару дней назад — намёки на «тёмные дела Кутузовых», о людях, которые предпочитали не связываться с их семьёй.

Ярослав стоял у своей машины. Высокий — под метр девяносто, широкоплечий, но атлетичный, как человек, который следит за собой. Тёмный костюм сидел идеально. Тёмные волосы зачёсаны назад. На запястье массивные дорогие часы с тёмным циферблатом и тяжёлым металлическим браслетом, которые холодно блеснули на солнце. Взгляд холодный, уверенный, почти хищный. Он говорил спокойно, низким голосом, не повышая тона, но каждое слово звучало как приговор. Мужчина пытался возражать, тыкал пальцем,

но Ярослав лишь смотрел на него, и этого хватало, чтобы тот начал сникать.

Полиции ещё не было. Напряжение висело в воздухе.

Через несколько минут подъехали офицеры. Двое неторопливо вышли из машины. Главный инспектор — мужчина лет пятидесяти с седеющими усами — сразу обменялся крепким рукопожатием с Кутузовым. На его лице читалось уважение, смешанное с почтением. Он осмотрел место и коротко объявил:

— По правилам дорожного движения вина лежит на водителе серебристого автомобиля. Столкновение произошло по вашей инициативе, траектория нарушена вами. Водитель Rolls-Royce в этой ситуации чист и не обязан возмещать ущерб за повреждённую машину.

Мужчина стоял, открыв рот. Когда вердикт прозвучал окончательно, я смотрела на Ярослава с чистой ненавистью. Этот обычный человек был прав по сути — он просто ехал, поворачивал, а этот богатый нарцисс, наверное, даже не смотрел. Нельзя доверять таким, как Кутузов. Он нехороший человек. Опасный.

Ярослав уже повернулся, чтобы сесть в машину. Лёгкая, еле заметная ухмылка тронула его губы — ухмылка победителя. Типа «я круче, я богаче, я всегда прав». Эта ухмылка была выражением чистого превосходства. Обычных людей она бесила — я видела, как некоторые в толпе поморщились, кто-то тихо выругался.

Он открыл дверцу чёрного Rolls-Royce, но вдруг медленно повернул голову к толпе. Взгляд скользнул по людям и остановился на мне.

Наши глаза встретились.

Это было как удар током. В его тёмно-карих глазах вспыхнуло тёмное, собственническое, голодное желание. Он смотрел так, будто уже считал меня своей вещью. Будто уже представлял, как прижимает к стене, как ломает, как делает покорной. Взгляд проникал глубоко, под кожу, вызывая отвращение и ярость. Я почувствовала, как внутри всё сжалось от гадливости. Тело отреагировало дрожью — но не от желания, а от омерзения. Сердце колотилось от злости, кулаки сжались так, что ногти впились в ладони.

Но гордость во мне была сильнее. Я слишком гордая, чтобы показать слабость перед таким, как он. Я не стану одной из его трофеев. Никогда. Я выдержала взгляд, хотя внутри всё кипело от ненависти.

Он задержал глаза на мне ещё на пару долгих секунд. Уголок его губ дрогнул в той же лёгкой ухмылке. Затем Ярослав сел в машину, хлопнув дверцей чуть сильнее обычного. Двигатель взревел мощно и бархатно. Перед тем как тронуться, он бросил последний взгляд — прямо на меня. Машина плавно отъехала и растворилась в потоке.

Девочки потянули меня обратно к столику. Я отвернулась, но ощущение его взгляда осталось на коже, как горячий ожог. Мы вернулись к столику, заказали мороженое, продол-

жили разговор, но внутри всё пульсировало этим странным отвержением, которое совмещалось с ноткой любопытства. Я знала — это только начало.

Мы вернулись к столику, заказали мороженое, продолжили разговор. Через какое-то время мне пришло сообщение от Владимира — он уже ждал у входа в парк. Девочки обняли меня на прощание, мы обменялись номерами и обещаниями написать завтра. Я вышла к машине. Владимир стоял у открытой задней двери чёрного Mercedes, как всегда спокойный и собранный.

— Как прошёл день? — спросил он нейтрально, когда я села.

— Нормально, — ответила я коротко и отвернулась к окну.

Обратная дорога прошла в молчании. Я смотрела на проплывающие за стеклом улицы и чувствовала, как внутри всё ещё присутствует отвращение. Когда чёрный Mercedes въехал в ворота особняка, солнце уже клонилось к закату. Я вошла в дом тихо, почти крадучись. Мамы не было видно — наверное, уехала куда-то с Алексеем. Это было кстати. Мне не хотелось ни с кем разговаривать.

Я поднялась к себе, закрыла дверь на замок и сбросила кроссовки. Комната встретила меня привычной тишиной и мягким светом. Я села на край кровати, потом легла, закинув руки за голову. Перед глазами снова и снова всплывало его лицо.

Ярослав Кутузов.

Я ненавидела его. Ненавидела всей душой, всем своим существом. Во-первых, он был из той семьи, которая, возможно, была замешана в смерти моего отца. Во-вторых, он смотрел на меня так, будто я была для него чем-то низшим — нищей девчонкой из обедневшей семьи, которую можно разглядывать свысока, как товар на рынке. И в-третьих, в этом взгляде было ещё и собственническое, хищное превосходство, будто он уже решил, что я ему принадлежу. От всего этого меня тошнило. Отвращение было таким сильным, что хотелось плюнуть ему в лицо, если бы он оказался рядом.

Один его взгляд — и всё внутри меня вскипело от ярости. Этот тяжёлый, собственнический, мерзкий взгляд, которым он буквально раздевал меня посреди улицы, среди толпы. От него по телу прошла волна гадливости. Мне было противно. До тошноты. Колени до сих пор немного дрожали от омерзения, когда я вспоминала, как он смотрел. Как будто уже считал меня своей вещью. Как будто уже представлял, как прижимает к стене и ломает.

Я резко села. Щёки горели от злости.

Этот мужчина — враг. Из той самой семьи, которая, возможно, связана со смертью отца. Опасный. Влиятельный. Тот, кто одним взглядом заставляет людей сникать. Тот, кто, по словам девочек, ходит по грани. Я ненавидела его всем сердцем. Ненавидела эту самоуверенную ухмылку, этот холодный, хозяйский взгляд, эту манеру вести себя так, будто

весь мир ему принадлежит.

Я встала и вышла на балкон. Холодный вечерний воздух ударил в лицо, растрепал кудри. Я облокотилась на перила, глядя на тёмный сад. В голове мелькнула предательская мысль: а был ли отец таким честным, каким я его всегда считала? Может, он действительно был замешан в чём-то тёмном... Но я сразу прогнала эту мысль. Нет. Отец был хорошим человеком. Он не мог. Это всё ложь и грязь, которую пытаются на него навесить.

А Кутузов опасен, — твердила я себе, глядя в темноту. — Он из тех, кто ломает людей. У него наверняка куча женщин. Для него я буду просто очередной игрушкой. Ещё одной Потёмкиной, которую можно использовать в этой старой войне. Ненавижу. Ненавижу его. Ненавижу каждую секунду, в которую он смотрел на меня. Никогда. Никогда я не позволю ему даже приблизиться. Никогда не стану частью его грязных игр.

Ветер усилился, принося запах ночного сада. Я стояла на балконе долго. Ненависть горела внутри чистым, ярким пламенем. Она не оставляла места ни для чего другого. Ни для слабости. Ни для сомнений.

Когда я вернулась в комнату, я легла на спину и закрыла глаза. В голове всё ещё крутилось его лицо. Но теперь это было только отвращение. Только злость. Только твёрдое решение — никогда не подпускать его близко.

— Мерзавец, — тихо сказала я себе. — Ты даже не пред-

ставляешь, как ты мне не нравишься!

Но даже сейчас, когда злость немного утихла, я понимала: это только начало. Ярослав Кутузов уже стал моим врагом. И теперь мне предстояло бороться не только с Алексеем и прошлым отца, но и с самим фактом его существования.

Глава 5

Чёрный Rolls-Royce Phantom ровно гудел под моими руками. Я вёл сам. Никого рядом. Только я, ночь и эта чёртова тяжесть в груди, которая жгла, как раскалённый нож.

Амина Потёмкина.

Я всё ещё видел её перед глазами. Эти глазки цвета песка с золотыми крапинками, которые смотрели на меня в упор. Не испуганно. Не стыдливо. А с вызовом. С тихой, бешеной гордостью, от которой у меня мгновенно встал член, тяжело надавив на ткань брюк.

Я сжал руль так, что костяшки побелели.

Год. Целый год я следил за этой девчонкой. Знал, что она занимается современными танцами. Знал, что у неё острый ум и ещё более острый характер. Знал, что после смерти отца она стала жёстче, злее, но не сломалась. И знал, что она — красивая. Опасно красивая.

Но главное — она была последней, кто остался от этой гниющей семьи.

Потёмкин, этот предатель, сидел на двух стульях. Он был замешан в убийстве моего деда, Егора Дмитриевича. Не просто так. Он передавал информацию, помогал организовывать, а потом Сергей Аркадьевич Соловьёв нанёс удар. Мой отец, Олег Егорович, отомстил за деда — убил Сергея Аркадьевича. Война затихла, но не закончилась. Она просто пе-

решла в новую фазу. Я убил Потёмкина собственноручно. И теперь последняя нить — эта девчонка. Дочь предателя. Она должна заплатить за делишки своего отца. За всю ту кровь, которую он оставил на наших руках.

Я хотел её убить.

Хотел медленно. Хотел увидеть, как жизнь уходит из этих красивых глаз. Хотел, чтобы она понимала, за что умирает.

Но...

Я не мог.

Потому что эта девчонка меня возбуждала до дрожи. До звериного рыка в груди. До того, что член стоял камнем при одном воспоминании о ней.

Я хотел трахнуть её так, чтобы она кричала. Хотел прижать к стене, грубо задрать юбку и войти в неё одним резким толчком, без подготовки, до боли. Хотел долбить её жёстко, глубоко, до тех пор, пока она не начнёт плакать и умолять. А потом — опуститься на колени, раздвинуть её бёдра и сделать ей такой охрененный куни, чтобы она кончала мне на язык, дрожа и ненавидя себя за это. Чтобы она понимала: я могу сломать её, а могу сделать так, что она будет умолять о продолжении.

Кнут и пряник. Боль и удовольствие. Смерть и жизнь. Всё в моих руках.

Я хотел уничтожить её. И при этом хотел, чтобы она принадлежала мне. Полностью. Тело, разум, душа. Чтобы она текла от одного моего взгляда. Чтобы ненавидела меня и всё

равно просила ещё.

Никогда, ни при каких обстоятельствах я не признаюсь ей, что её тело вызывает у меня такой рефлекс. Что один её взгляд, один поворот головы, одно движение этих кудрей заставляет мой член мгновенно твердеть и пульсировать, будто я подросток, а не взрослый мужчина, который видел и имел достаточно женщин. Это останется только во мне. Моя слабость. Моя тайна. Моя одержимость.

Это было больно. Это было неправильно. Но это было чертовски сладко.

Соловьёв, этот хитрожопый сукин сын, успел раньше. Забрал её к себе в дом. Поселил под своей крышей. Пока я ещё только выстраивал план, он уже запустил в неё когти. И это бесило меня больше всего.

Как он посмел? Эта девчонка должна была стать моей мстью. Моим трофеем. Моим оружием против всего, что осталось от Потёмкина. А он... он просто взял и забрал её. Как будто она уже его.

Я ударил ладонью по рулю. Машина дёрнулась, но тут же выровнялась.

Ненавижу. Ненавижу этого ублюдка. Ненавижу, что он сейчас рядом с ней. Что она дышит одним воздухом с ним. Что он, возможно, уже смотрит на неё так же, как смотрел я. Ненавистно.

Но была и другая сторона.

Теперь она жила намного ближе.

Раньше, когда отец был жив, они жили далеко, на западе центра Москвы. А сейчас... сейчас она в доме Соловьёва, на Рублёвке. Всего в нескольких километрах от моего особняка. Буквально рукой подать. Я мог за несколько минут доехать до неё. Мог наблюдать. Мог ждать. Эта близость возбуждала почти так же сильно, как её тело.

Я улыбнулся в темноте салона. Жёстко. Хищно.

Скоро, душа моя.

Очень скоро ты будешь моей...

Глава 6

Утро началось тяжело. Я проснулась задолго до будильника. Сердце стучало неровно, в голове крутились обрывки вчерашнего вечера. Я лежала несколько минут, глядя в потолок, пытаюсь унять волну гадливости, которая поднималась при воспоминании о парке.

Наконец я встала. Первым делом включила небольшую портативную колонку на тумбочке. Выбрала плейлист с современной электронной музыкой — лёгкий бит, ритмичные басы, ничего слишком агрессивного. Музыка тихо заиграла, заполняя комнату мягким пульсирующим звуком. Я слегка качнула бёдрами в такт, позволяя телу немного расслабиться. Это была моя маленькая утренняя традиция — двигаться под музыку, чтобы прогнать тяжёлые мысли.

Я вышла на балкон, вдохнула прохладный воздух, а потом направилась в ванную. Включила воду в душе — сначала горячую, чтобы кожа покраснела, потом сделала чуть прохладнее. Стоя под струями, я закрыла глаза и позволила воде смыть остатки сна и вчерашнего напряжения. Музыка из колонки доносилась даже сюда — приглушённо, но ритмично. Я слегка пританцовывала под душем, покачивая бёдрами и плечами в такт биту. Вода стекала по коже, по плечам. Я намылила тело любимым гелем с лёгким цитрусовым ароматом, тщательно прошлась по рукам, ногам, животу. Каждый

жест был осознанным, почти ритуальным.

После душа я завернулась в мягкое полотенце и вернулась в комнату. Музыка всё ещё играла — теперь более энергичный трек. Я слегка пританцовывала, пока вытиралась. Я посушилась, заплела кудри в аккуратную косичку, оставив несколько тонких прядей у лица.

Сегодня первый полноценный учебный день после линейки, и в гимназии был строгий дресс-код. Я подошла к шкафу и открыла дверцы. Внутри висели вещи, которые я заранее подготовила: белая блузка с коротким рукавом, тёмно-синяя юбка-карандаш до колена, чёрные колготки и тёмно-синий жилет в цвет юбки. Всё строго, но элегантно.

Я медленно надела чёрные колготки, аккуратно расправляя каждую складку. Потом юбку — она села ровно по фигуре, подчёркивая бёдра, но не слишком откровенно. Блузку — застегнула все пуговицы до самого верха. Сверху надела жилет — он идеально дополнял образ. Туфли-лодочки на небольшом каблуке. На голову надела тонкий чёрный ободок.

Теперь макияж. Лёгкий. Немного тонального крема, тушь, лёгкий блеск на губы. Пока я красилась, музыка продолжала играть. Я слегка покачивалась в такт, нанося тушь на ресницы. Это помогало отвлечься.

Я снова посмотрела в зеркало. Красивая, собранная, идеальная ученица. В голове на секунду мелькнула мысль о Ярославле — о его высокомерном взгляде. От отвращения меня

передёрнуло. Я сразу прогнала эту мысль.

После того как я закончила собираться, я быстро спустилась вниз. На кухне мама уже была на ногах — она наливала себе кофе и одновременно проверяла что-то в телефоне.

— Доброе утро, мам, — сказала я, подходя ближе.

Я наклонилась и поцеловала её в щёку. Мама улыбнулась, но улыбка была немного усталой.

— Доброе утро, солнышко. Как спалось?

— Нормально, — ответила я коротко. — Я побежала, ладно?

Я схватила со стола шоколадный батончик, сунула его в карман рюкзака и направилась к двери.

— Пока, мам. Люблю тебя.

— Пока, милая. Удачного дня! — крикнула она мне вслед.

Я вышла во двор. Владимир уже ждал у машины. Я села на заднее сиденье, и мы тронулись. Поездка прошла быстро и почти молча. Минут через пятнадцать мы были у школы. Я поблагодарила Владимира коротким кивком, вышла из машины и зашла в здание.

В коридоре я почти сразу встретила девочек. Мы обнялись, обменялись быстрыми «привет» и вместе пошли на первый урок. Два первых урока пролетели довольно спокойно: литература и математика. Я сидела, делала вид, что внимательно слушаю, но мысли всё время возвращались к вчерашнему дню и к Ярославу. Ненависть к нему не отпускала.

После второго звонка мы с девочками пошли в столовую.

Мы выбрали дальний столик возле большого окна — там было уютнее всего. Солнечные лучи падали на стол, создавая тёплые пятна на белой скатерти. Под гул голосов других классов здесь можно было спокойно говорить, не боясь, что кто-то подслушает. Мы расставили подносы, сели и начали есть.

Разговор начался легко и непринуждённо, как всегда у нас. Мы обсуждали последние успехи одноклассников, шутили над странностями учителей и спорили, кто выиграет олимпиаду по биологии этой осенью.

Настя сказала задумчиво, ковыряя вилкой в салате:

— Мирослав Кутузов опять побеждает во всех олимпиадах подряд... Его семья реально держит весь рейтинг города уже второй год подряд...

Даша добавила громче обычного, жуя бутерброд:

— Не только деньги решают! У них мозги есть... Про их криминальные связи все знают еще со времён родителей Мирослава...

Алина кивнула задумчиво, помешивая чай:

— Зато Ярослав Кутузов тоже хорош — компанию открыл чуть ли не сразу после выпуска. Говорят, дипломатией берёт любого взрослого партнёра...

Все переглянулись. Фамилия Кутузовых звучала почти магически. Эти люди действительно вывозили городские интриги десятилетиями.

Я молчала, медленно жуя свой батончик. В голове всё ещё

крутилась вчерашняя сцена у парка. Ненависть к Ярославу не отпускала. Но сейчас, в этой тёплой, шумной столовой, мне хотелось просто послушать девочек.

Разговор продолжался. Мы обсуждали учителей, сплетни, планы на ближайшие выходные. Атмосфера была лёгкой, почти домашней. Но внутри меня всё равно тлело напряжение.

Вдруг в столовой стало заметно тише. Кто-то уронил вилку. Несколько голов повернулись к входу.

Мирослав Кутузов вошёл так, будто вся сцена принадлежит ему одному. Его появление не нуждалось ни в объявлении, ни в фанфарах: все взгляды сами собой начали притягиваться к нему. Он шёл медленно и уверенно между рядами столиков — синие классические брюки идеально сидели по фигуре, лакированные туфли чуть скользили по полу с мягким стуком каблука, рубашка белоснежная, рукава аккуратно закатаны до локтей. Две верхние пуговицы были расстёгнуты возле воротника — лёгкая небрежность подчёркивала его свободу от любых школьных правил. Прическа Мирослава была растрёпанной нарочито-художественно: казалось, он специально потратил полчаса перед зеркалом ради этого эффекта случайного красавчика.

Он держал руки в карманах брюк и двигался настолько непринуждённо, что даже взрослые учителя невольно замедляли шаг при виде него — то ли из уважения к фамилии, то ли потому что не хотели оказаться на пути льва среди газелей.

По мере того как Мирослав приближался к нашему столу, гул голосов затихал волнами вокруг нас. За другим столиком уже устроилась его компания: парни постарше увлечённо спорили о чём-то своём и бросали короткие взгляды на происходящее сбоку — явно наблюдая за каждым движением своего лидера.

Когда он остановился рядом с нашим столом и обвёл всех взглядом из-под полуопущенных ресниц, девочки синхронно напряглись: Настя опустила глаза в тарелку, Алина осторожно поправила волосы, Даша неожиданно замолчала посреди фразы. Только я смотрела прямо вперёд — внутри меня включился режим наблюдателя-сыщика: я отмечала детали походки Мирослава для своей внутренней деловой хроники.

Не торопясь садиться сразу же рядом со всеми, как сделали бы менее опытные красавцы, он взял стул одной рукой и повернул его спинкой к себе боком так ловко, будто делал это всю жизнь. Затем сел близко ко мне — ближе обычного допустимого расстояния для новых знакомых, положил правую руку свободным жестом на спинку моего стула и слегка наклонился вперёд.

— Ну здравствуй, Потёмкина, — сказал он низким, чуть ленивым голосом, в котором сквозила опасная самоуверенность. — Ты сегодня выглядишь так, будто готова кого-то сожрать. Или это я так на тебя действую?

Я посмотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда. Внут-

ри меня кипела ненависть, но я улыбнулась холодно и дерзко:
— Действуешь? Ты серьёзно? Ты выглядишь как парень, который привык, что ему всё падает в ноги только потому, что у него правильная фамилия. Это не действует. Это раздражает.

Мирослав усмехнулся, наклоняясь чуть ближе. Его взгляд стал тёмнее, почти хищным.

— Раздражает? Хорошо. Значит, я хотя бы не оставляю тебя равнодушной. А я думал, ты из тех, кто делает вид, что ничего не замечает. Оказывается, ты умеешь кусаться. Мне нравится.

— Кусаться? — я подняла бровь, не отодвигаясь. — Ты слишком быстро решаешь, что я буду играть по твоим правилам. Я не из тех, кого можно просто взять и поставить на место. Особенно когда место это — под твоей пяткой.

Он рассмеялся тихо, почти интимно, но в смехе было что-то опасное.

— Под моей пяткой? Ты даже не представляешь, насколько это может быть приятно... если правильно попросить. А ты, кажется, из тех, кто никогда не просит. Только требует. Это очень заводит.

Я выдержала его взгляд, хотя внутри всё кипело от отвращения и злости.

— Заводит? Тогда тебе стоит поискать кого-то другого. Я не собираюсь быть твоей очередной игрушкой только потому, что ты решил, что имеешь на это право. Ты слишком

привык получать всё без борьбы. А я люблю бороться. И выигрывать.

Мирослав наклонился ещё ближе, почти касаясь моего плеча. Его голос стал ниже, почти шёпотом:

— Тогда давай поборемся. Я не против. Главное — чтобы в конце ты не пожалела.

Я усмехнулась, отодвигаясь ровно настолько, чтобы сохранить дистанцию:

— Пожалею? Единственное, о чём я пожалею — это если позволю тебе думать, что у тебя есть хоть какой-то шанс. Ты красивый. Богатый. Влиятельный. Но это не делает тебя интересным. Это делает тебя предсказуемым.

Он смотрел на меня несколько долгих секунд. В его глазах мелькнуло что-то тёмное, почти голодное. Потом он медленно откинулся на стуле и улыбнулся — уже не так уверенно, но с новым интересом.

— Предсказуемый? Ладно. Сегодня ты выиграла раунд. Но запомни: я люблю длинные игры. И я всегда получаю то, что хочу.

Он резко встал, бросил последний взгляд — тяжёлый, обещающий — и ушёл к своей компании. Друзья хлопнули его по плечу, но он выглядел задумчивым.

За нашим столом повисла тишина, а потом девочки одновременно выдохнули. Только солнечный зайчик играл на моей косичке. Новый день обещал новые тайны, новые победы.

После того как Мирослав вместе со своей компанией по-

кинул столовую, атмосфера за нашим столиком быстро вернулась к привычной лёгкости: кто-то обсуждал очередную шутку, кто-то уже строил планы на вечер.

Уроки пролетели почти незаметно — обычная череда предметов без особых неожиданностей. Иногда между заданиями мы вспоминали недавнюю сцену: Даша и Настя до сих пор смеялись с удивлённого лица Мирослава, на то, как его легонько послали.

После уроков у всех ребят были дополнительные секции, и мы с Настей направились в кабинет журналистики.

Я шла по коридору, делая вид, что слушаю Настю: та рассказывала про реформы Петра I и их последствия для России, перескакивая с одной фамилии на другую. Но мысли мои всё равно возвращались к утренней сцене — к тому взгляду Мирослава через плечо. И к вопросу: «Что ему нужно от меня?»

Внутри кабинета журналистики царила ровная тишина новой школы: светлые стены, аккуратные парты; на стенах под стеклом старые газетные вырезки рядом с фото выпускников прошлых лет. Лобанов начал урок быстро:

— Сегодня разбираем реальные истории московских семей конца XX века.

Он поставил задачу учиться отделять слухи от фактов. Объяснил, как искать мотивы там, где все думают, будто бы всё ясно. Показал архивную заметку о загадочном исчезновении главы строительной компании — намёк был понятен

всем. Рассказал об особенностях работы со свидетелями — половину информации они дают из страха или выгоды. Дал задание анализировать любую деталь в текстах — даже если кажется мелкой, она может быть ключом ко всей цепочке событий. Закончил коротко: «Учитесь видеть больше, чем написано».

Класс гудел обсуждением, когда прозвенел звонок.

Настя подошла ближе:

— Ты останешься что-то спросить у Лобанова?

Я коротко кивнула:

— Да, я хочу уточнить пару деталей для себя.

Мы обнялись почти машинально. Настя сказала тихо:

— Пиши мне, если что — будем вместе проект делать!

Я улыбнулась — конечно.

Когда кабинет опустел и остался только шелест бумаг, я подошла к столу преподавателя:

— Игорь Владимирович... Можно вопрос?

Лобанов закрыл ноутбук и посмотрел внимательно:

— Конечно. Слушаю тебя.

— Почему между Кутузовыми и Соловьёвыми столько ненависти? Это ведь не только деньги или власть...

Лобанов медленно выдохнул, словно решил открыться то, чего обычно избегают даже взрослые:

— Ты права, здесь бизнес был только ширмой. Всё началось задолго до того убийства. В интернет-источниках и во многих книгах поговаривают, будто Сергей Аркадьевич Со-

ловьёв убил деда Кутузовых, потому что был пьян или поспорил. Но также шли слухи, что Кутузов их подставил. Твой отец был замешан в этой истории глубже, чем кажется на первый взгляд.

Лобанов посмотрел на меня внимательно, но мягко добавил:

— Ты к этому не причастна, Амина. Ты просто родилась в этой семье. Но я хочу, чтобы ты знала правду о своей семье. О том, что происходило раньше.

Он откинулся на стуле и продолжил тише, будто говорил то, что редко произносит вслух:

— В 1985 году твой отец был в самом центре событий. Ему было всего двадцать лет. Он уже тогда умел лавировать между семьями. Передавал информацию, организовывал встречи, иногда помогал скрывать следы. Многие думали, что он просто посредник. Но на самом деле он знал слишком много. Именно после его вмешательства всё и закрутилось по-настоящему. Он не убивал сам, но его решения повлияли на то, что произошло. Это было время, когда молодые волки вроде него решали, кто останется в игре, а кто уйдёт навсегда. Я знаю это не из книг. Я знаю это от людей, которые тогда были рядом.

Он замолчал, будто перебирал в памяти чужие голоса, и только потом продолжил.

— В 1990 году главу Соловьёвых убрали руками чужой семьи. Им нужны были пешки, чтобы никто ничего не дока-

зал. Заказ прошёл через людей, которых потом просто стёрли из памяти города. Бумаги исчезали ночью прямо со стола. Люди пропадали бесследно. Никто публично этого не обсуждало. Для всех остальных это была обычная криминальная разборка. Для «своих» — месть за кровь родного человека. А его сын продолжил его дело. Криминальное, опасное, но прибыльное.

Секунду он смотрел мимо меня, в точку на стене, словно решал, сколько правды можно произнести вслух.

— Климовы были инструментом. Их использовали, пока нужно. Потом выбросили. Подменяли документы, банкиры переписывали договоры. Всё было сделано так, чтобы никто ничего лишнего не понял. Если мешаешь игре больших фамилий — тебя стирают без остатка.

Он чуть наклонил голову, тяжело выдохнул и добавил уже тише, почти без эмоций:

— Запомни главное. Здесь нет чистого бизнеса. Есть только долги, ошибки, страх потерять лицо перед предками. Каждый новый шаг — это чей-то шанс получить нож в спину. Даже спустя десятилетия последствия ощущают новые поколения.

Я едва могла отдышаться после этих слов. Сердце билось слишком громко. Я вдруг поняла, насколько хрупкими бывают судьбы даже самых богатых семей. Насколько страшно становится, когда понимаешь, что ты всего лишь часть чужой войны, которую начали давно до тебя.

Я подняла взгляд:

— Откуда вы вообще знаете такие вещи?

Лобанов усмехнулся уголком рта:

— У меня работал приятель. Он знал обе стороны. Был доверенным лицом между семьями. Иногда выполнял их поручения. Иногда спасал кого-то из них. Работал тогда же в банках. Подменивал бумаги, подписывал договоры, иногда делал то, о чём лучше молчать. Он многое рассказал мне ещё тогда, когда все эти события кипели под поверхностью Москвы. Я слишком хорошо помню ту осень.

Ответ прозвучал тяжелее, чем любой учебник истории.

Он достал блокнот, быстро написал номер и протянул мне листок:

— Сходи к нему в банк. Он знает очень многое. Попроси его, он тебе расскажет. Я знаю только базу, только поверхность. Может быть, несколько слоёв вниз, но прямо к ядру знает только он.

Я взяла листок, чувствуя, как пальцы слегка дрожат.

— Спасибо, — тихо сказала я. — До свидания.

Лобанов кивнул, и я вышла из кабинета. Голова звенела от новых знаний. Как пазлы начали наконец складываться воедино. Многие говорят, что папа работал нечестно. Я хочу узнать, было ли это правдой. Теперь я знаю точно — Алексей работает в криминальной сфере. А Ярослав... точнее его семья — тоже часть этой войны.

Новый день обещал новые тайны. И я была готова их рас-

крывать.

Глава 7

На следующий день школа встретила меня привычной серой рутиной, которая почему-то казалась ещё тяжелее обычного. Мы с Настей благополучно просидели первые несколько уроков, хотя «просидели» — это громко сказано. Я была здесь только телом: мысли то и дело возвращались к вчерашнему дню и к тому странному напряжению, которое уже несколько дней витало вокруг. Настя, как всегда, вела себя образцово — аккуратно выводила конспекты в тетради, перекатывала ручку между пальцами и иногда бросала на меня понимающий взгляд. В её глазах читалось: «Да-да, я тоже здесь только физически присутствую». Мы обе знали, что учиться в таком настроении — это скорее формальность, чем настоящее погружение в материал.

На биологии учительница монотонно рассказывала о строении клетки, водя указкой по схеме на доске. Даша и Алина оккупировали последнюю парту у окна. Они тихо хихикали над рилсами, пряча телефоны под партами, пока учительница без особого энтузиазма говорила о митохондриях. Я ловила обрывки их шёпота про «любовь по переписке» и думала, как легко им удаётся отключаться от реальности. Мне же это не удавалось. Внутри всё ещё кипело.

Алгебра принесла контрольную. Настя осторожно шептала мне формулы на ухо, будто боялась, что даже воздух мо-

жет нас выдать. Я смотрела в окно на голый клён во дворе и понимала: контрольная сама себя не напишет. Серый осенний день идеально подчёркивал моё настроение. Листья уже начинали слетать с дерева, и казалось, даже погода решила подыграть нашей общей усталости.

После звонка на большую перемену коридор взорвался привычным гулом. Кто-то бежал в столовую за булочками, кто-то занимал очередь в туалет, чтобы потом не стоять полперемены, остальные толкались у шкафчиков, обсуждая последние сплетни. Я шла привычной тропинкой вдоль стены, мимо ярких рисунков младших классов, прижимая учебники локтем к боку.

У своего шкафчика я остановилась и сразу почувствовала его присутствие.

Мирослав стоял рядом, прислонившись плечом к металлическим дверцам. Руки его были скрещены на груди, отчего фигура выглядела одновременно расслабленной и собранной. Поза казалась уверенной и немного вызывающей. Тёмно-синие брюки идеально сидели по фигуре, белая рубашка была аккуратно заправлена, чёрный галстук слегка ослаблен, поверх — тёмно-синий пиджак. Волосы немного растрёпаны, глаза цвета крепкого кофе медленно скользили по мне снизу вверх. На губах уже играла знакомая дерзкая ухмылка.

Я молча открыла дверцу шкафчика, чтобы положить учебники, и замерла.

Внутри на полке стоял небольшой, но аккуратный букет

тёмно-бордовых роз. Простой, без кричащей мишуры, но явно недешёвый. Запах свежих цветов сразу заполнил пространство шкафчика.

Мирослав наклонился ближе, не размыкая рук, и тихо шепнул мне на ухо:

— Это тебе. Не смог пройти мимо, не оставив следа.

Я резко повернулась к нему, всё ещё держа дверцу открытой.

— Надеюсь, ты хорошо подумал, прежде чем подходить, — произнесла я ровным, холодным тоном.

Он усмехнулся уголком рта, руки по-прежнему скрещены на груди.

— Думал. И понял, что ты совсем не похожа на остальных. В тебе есть огонь, который не даёт мне спокойно дышать.

Я приподняла бровь и с лёгкой усмешкой ответила:

— О, ты прям поэт. Только вместо рифмы — цветы в чулке шкафчика.

Мирослав тихо хмыкнул, ухмылка стала шире.

— Может, и поэт. Но стихи я пишу не для всех.

— Особенно удачно получается, когда объект твоих стихов даже не просил, — бросила я, закрывая дверцу шкафчика. — Очень оригинально.

Он не отвёл взгляда, всё так же ухмыляясь.

— А ты всё равно стоишь здесь и разговариваешь со мной. Значит, не так уж и против.

— Я разговариваю, чтобы ты понял границы, — спокойно

ответила я. — А не потому что мне нравится твоя поэзия.

Мирослав слегка наклонил голову, не размыкая рук. В глазах плясали искорки.

Сзади уже кто-то начал шевелиться. Несколько малолеток из восьмого и девятого класса достали телефоны и, не стесняясь, наводили камеры на нас. Было видно, что они ловят момент и уже готовятся выложить «фурор» в чаты и сторис.

— Завтра вечеринка у меня дома. Приходи. Не ради шума и толпы — ради того, чтобы мы могли поговорить по-нормальному.

Его большой палец медленно провёл по моей нижней губе — легко, почти нежно, но с ощутимым жаром. Этот контакт обжёг сильнее, чем я была готова признать.

— Ты перегибаешь палку, Мирослав, — процедила я, чувствуя, как щёки горят.

Я резко отбросила его руку и со всей силы отвесила звонкую пощёчину. Ладонь обожгло от удара, звук резко и чётко раскатился по коридору, отражаясь от стен. Несколько человек вокруг буквально вздрогнули. Телефоны замерли в воздухе. Даже шумная компания у противоположной стены на секунду замолчала.

Мирослав замер. На секунду в глазах вспыхнула злость, но почти сразу она сменилась ещё более сильным интересом.

— Думаешь, одной пощёчиной отделаешься? — тихо проговорил он, потирая щёку.

Я смотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда:

— Слушай внимательно. Я не буду терпеть твои выходки. Если будешь подходить так же — будешь получать пощёчины регулярно. Я перешла в эту школу не для того, чтобы искать себе интриги и драмы. Я пришла сюда учиться. И мне плевать, насколько тебе это кажется скучным.

Мирослав тихо рассмеялся, качая головой. В его глазах мелькнуло настоящее веселье, смешанное с восхищением.

— Зануда... — протянул он с усмешкой. — Но именно поэтому ты и цепляешь. Всё только начинается, куколка. Ещё встретимся. И ты придёшь на мою вечеринку — я в этом уверен.

Он развернулся и пошёл прочь по коридору, окруженный своей компанией. Тёмно-синий пиджак мелькнул в толпе и исчез за поворотом.

Одноклассники делали вид, что ничего не произошло. Камеры медленно опустились. Ко мне подошли девочки. Настя молча протянула бутылку воды. Наши взгляды встретились — в её глазах был немой вопрос. Я кивнула, больше себе, чем ей.

Два последних урока я просидела, почти не слушая учителей. В голове крутилось только одно: букет в шкафчике, его тихий шёпот, прикосновение и этот его смех над моей «занудностью». Меня бесило, что он так легко выводит меня из равновесия.

После последнего звонка к нам с Настей подошли Даша и Алина. Даша сияла так, будто выиграла лотерею.

— Всё! Вечеринку у Мирослава точно подтвердили. Завтра в восемь вечера!

Я фыркнула:

— Прекрасно... вот только одного этого события мне не хватало.

Алина тут же подхватила:

— Вы идёте обязательно! Такой шанс выпадает раз в жизни!

Я мотнула головой:

— Если честно — желания ноль.

Даша закатила глаза и схватила нас за руки:

— Да бросьте, это же событие года! Все уже обсуждают, кто с кем придёт и во что оденется...

Алина продолжила:

— Ты даже не представляешь, как там бывает! У Мирослава всегда дикие конкурсы и музыка до утра. Помнишь прошлую тусовку? Потом неделю все обсуждали фотки Кати в бассейне и скандал Лёши с Владом прямо на кухне!

Даша добавила громче:

— На его вечеринках всегда творится какая-то жесьть. После каждой потом ходят такие слухи — половина школы спорит, было ли это на самом деле или всё придумали специально для сторис.

Алина вздохнула мечтательно:

— Только представь: ты появляешься после всего этого... Это будет эпично!

Я пожала плечами. Идти не особо хотелось. Настя смущённо улыбнулась:

— Если ты пойдёшь... то я тоже пойду.

Так они вдвоём буквально продавили нашу с Настей оборону. Пришлось согласиться: иначе бы всю ночь писали угрозы в чат.

Когда мы вышли из школы, каждая пошла своей дорогой домой. Я быстро нашла взглядом знакомую машину — Владимир уже ждал возле ворот, как всегда пунктуально. Пока ехали по вечерним пробкам Москвы, я смотрела на огни улиц сквозь стекло и думала о завтрашнем вечере.

Меня терзало странное ощущение неопределённости. Вроде бы ничего страшного случиться не должно, но где гарантия, что Мирослав простит мой поступок молча? Его ту-совка будет проходить у него дома, всё оплачено им самим... Не слишком ли я нагрубила человеку, который умеет мстить тонко и публично?

Меня бесило, как легко ему удаётся выбивать меня из колеи. Никакого притяжения я к нему не чувствовала — только раздражение и усталость от его настойчивости. Я не хотела идти на эту вечеринку. Но отказаться уже было поздно.

Я сидела на заднем сиденье чёрного Mercedes и смотрела в окно. Владимир вёл машину молча. За окном мелькали улицы, светофоры, люди, которые просто жили свою обычную жизнь. А у меня в голове всё ещё звучал голос Мирослава — наглый, уверенный, с этой лёгкой ухмылкой, будто

он уже знал, что я приду на его вечеринку. Девочки уговаривали, Настя в итоге кивнула, и я тоже. Не потому, что хотела. А потому, что отказаться было бы слабостью. Вечеринка завтра. Сегодня — другое.

Сегодня мне нужно было в банк.

Тот самый, про который говорил Лобанов. Адрес я запомнила сразу. Старое здание недалеко от парка с небольшим озером. Туда меня никто добровольно не отпустит. Владимир всё доложит Алексею. А Алексей... Алексей запретит. Запрёт дома. Поставит охрану. Сделает так, чтобы я никогда не узнала правду.

Поэтому я решила иначе.

Я достала телефон, будто проверяя сообщения, и «случайно» положила его на сиденье рядом с собой. Потом спокойно сказала:

— Владимир, можно подъехать к парку с озером? Голова болит. Мне нужно пройтись минут пятнадцать.

Он бросил взгляд в зеркало.

— Алексей Сергеевич просил сразу домой.

— Я знаю. Но всего чуть-чуть. Вы подождёте здесь?

Он помолчал. Потом кивнул.

— Хорошо. Недолго.

Машина свернула к нужному парку. Я вышла, захлопнула дверь и пошла вдоль аллеи, будто просто гуляю. Когда чёрный Mercedes скрылся за деревьями, я ускорила шаг. Потом побежала.

Сердце колотилось. Ноги несли сами. У меня было максимум двадцать минут, прежде чем Владимир начнёт искать. Телефон я оставила специально.

Банк оказался старым, солидным зданием с высокими окнами и тяжёлыми дверями. Охранник у входа посмотрел на меня оценивающе — школьная форма, косичка, молодое лицо.

— К кому? — спросил он коротко.

— К Аркадию Викторовичу.

Он прищурился.

— У вас запись?

— Нет. Но мне очень нужно. Скажите, пожалуйста, что пришла Амина Потёмкина.

Охранник несколько секунд молчал, потом взял рацию и тихо сказал:

— Аркадий Викторович, к вам посетительница. Потёмкина.

Через полминуты он кивнул и отошёл в сторону.

— Проходите. Второй этаж, кабинет справа.

Я кивнула и вошла.

Кабинет был на втором этаже. Мужчина средних лет, седеющие виски, строгий костюм, усталые глаза. Он поднял взгляд, когда я вошла, и кивнул вежливо, но сдержанно.

— Амина Михайловна Потёмкина?

— Да.

— Садитесь, пожалуйста.

Я села. Он закрыл ноутбук, сложил руки на столе и несколько секунд просто смотрел на меня. Не жёстко. Скорее изучающе. Пальцы едва заметно постукивали по краю стола — единственное, что выдавало его напряжение.

— Лобанов звонил, — сказал он спокойно. — Сказал, что вы придёте. И что у вас есть вопросы о прошлом.

— Да. О моём отце. О том, что происходило вокруг него. Аркадий Викторович медленно кивнул.

— Понимаю. Только... скажите мне честно. Вы пришли сюда по собственной воле? Или кто-то попросил вас задать эти вопросы?

— По собственной.

— Хорошо. А если вы получите ответы... что будете с ними делать? Кому расскажете?

Я помолчала.

— Никому. Пока сама не пойму, что всё это значит.

Он вздохнул, откинулся на спинку кресла. Пальцы продолжали тихо стучать по столу.

— Видите ли... информация, о которой вы спрашиваете, очень старая. И очень опасная. Люди, которые были заинтересованы в том, чтобы она исчезла, до сих пор живы. И они до сих пор следят. Если я покажу вам то, что осталось, а вы потом случайно обмолвитесь не тому человеку... последствия могут быть крайне неприятными. Для меня. И, возможно, для вас.

Он помолчал, глядя мне прямо в глаза.

— У меня есть определённые связи. Достаточно, чтобы при необходимости превратить обычную девушку из хорошей семьи... в человека с серьёзными проблемами. Например, в воровку. Вы меня понимаете?

Я кивнула.

— Понимаю. Я никому не скажу.

Он ещё несколько секунд изучал моё лицо. Потом тяжело выдохнул и кивнул сам себе.

— Хорошо. Я помогу вам. Но не потому, что Лобанов попросил. А потому что вы — Потёмкина. Ваш отец был человеком, который очень глубоко играл в тайную сторону этой жизни. Он знал слишком много. И у его дочери есть право хотя бы попытаться узнать правду.

Он встал.

— Пойдёмте. Но учтите: оригиналы сожгли. Остались только копии. И их очень мало.

Мы вышли из кабинета и спустились вниз в подвал. Аркадий Викторович остановился у не приметной двери, открыл её ключом. Внутри — обычная архивная комната: высокие шкафы с папками, стеллажи с книгами, пыль, запах старой бумаги.

Он подошёл к одному из стеллажей, вытащил три толстые книги с корешками одного цвета и вставил их в другом порядке. Потом сильно толкнул боковую полку. Стеллаж с тихим скрипом отъехал в сторону, открывая узкий проход.

— После вас.

За полками была маленькая комната без окон. В дальнем конце — металлическая лестница, уходившая ещё ниже. Мы спустились. Здесь было холоднее. По стенам снова стояли шкафы, а в центре помещения — тяжёлый сейф.

Аркадий Викторович набрал код. Сейф открылся. Внутрь лежала тонкая папка и несколько пожелтевших газетных вырезок.

— Это всё, что осталось, — сказал он тихо. — Берите. Читайте. Я параллельно расскажу то, чего в бумагах нет.

Я открыла папку. Руки слегка дрожали.

Первый документ — копия старого банковского журнала за 1985 год. Там была короткая запись: «Потёмкин М. — посредник. Переговоры между К. и С. Успешно». Рядом стояла дата и пометка «конфиденциально».

Второй документ — выписка 1990 года. В ней говорилось, что после гибели главы семьи Соловьёвых Потёмкин резко сократил все контакты. В графе «причина» было написано от руки: «Отход. Слишком много знает».

Третий — небольшой листок, датированный всего за пять дней до смерти отца. На нём чужим почерком было набросано: «Встреча отменена. Потёмкин требует закрыть старые счета. Слишком поздно».

Аркадий Викторович стоял рядом и говорил ровным голосом:

— В восемьдесят пятом ваш отец ещё мог удерживать баланс. Он был нужен обеим сторонам. В девяностом он уже

стал опасен — слишком много видел и слишком хорошо понимал, как всё устроено. А за несколько дней до смерти он вдруг снова начал поднимать старые вопросы. Требовал закрыть счета, которые должны были остаться мёртвыми. Кто-то решил, что это нельзя допустить.

Я перевернула страницу. Последний документ — список из пяти фамилий. Три были зачёркнуты. Две остались. Одна из них — Смирнов А. В.

— Александр Смирнов, — сказал Аркадий Викторович. — Тогда он был никем. Просто наблюдатель. Стоял в стороне и смотрел, как большие семьи режут друг друга. Сейчас он враг Кутузовых. Личный. И очень опасный. Занимается тем, о чём лучше не говорить вслух. Строгий. Никогда ничего не даёт просто так. Но если кто и знает больше — то только он. Он видел то, чего не видели остальные. И помнит.

Я смотрела на фамилию. Смирнов А. В.

— Где его найти?

Аркадий Викторович покачал головой.

— Я не дам адрес. И не буду звонить. Если захотите — найдёте сами. Но учтите: он попросит цену, либо вовсе не скажет.

Я закрыла папку. Сердце билось ровно, но где-то глубоко внутри уже горело новое, холодное решение.

— Я найду.

Он кивнул.

— Тогда на этом всё. Больше ничего нет. Оригиналы со-

жгли. Копий осталось только это.

Мы поднялись обратно. Стеллаж закрылся. Дверь захлопнулась. В кабинете на втором этаже Аркадий Викторович протянул мне руку.

Я остановилась у двери и спросила:

— Сколько я должна за эту информацию?

Он покачал головой.

— Нисколько.

— Скажите, пожалуйста. Я не могу просто уйти и оставить вас без благодарности.

Аркадий Викторович слегка усмехнулся уголком губ.

— Хорошо. Мне будет достаточно десять миллионов.

Я ожидала такую крупную сумму, открыла сумку и достала плотную пачку. Отец когда-то оставил мне на крайний случай около ста миллионов. Десять из них я сейчас отдала Аркадию Викторовичу.

Он взял деньги молча, даже не пересчитал.

Я пожала его руку.

— Спасибо.

— Удачи, Амина Михайловна. И будьте осторожны. Правда в этой истории редко приходит без крови.

Я вышла из банка. На улице уже начинало темнеть. Я почти бежала к парку. В голове крутились новые куски: 1985-й, когда отец ещё удерживал баланс, 1990-й, когда он стал слишком опасен, и эти пять дней до смерти, когда он вдруг снова поднял старые вопросы.

Это было мало. Но это было новое. Это двигало меня вперёд.

Отец когда-то был нужен обеим семьям. Потом стал опасен. А перед смертью снова попытался что-то изменить.

Кто не дал ему этого сделать?

И кто такой Александр Смирнов, который всё это видел со стороны?

Я добежала до парка. Владимир уже стоял у машины, лицо было жёстким.

— Где вы были? Я уже хотел звонить.

— Просто гуляла, — ответила я спокойно. — Голова прошла.

Я села в машину. Телефон всё ещё лежал на сиденье. Я взяла его, будто ничего не произошло.

Но внутри всё изменилось.

Теперь у меня была ниточка. Тонкая, но настоящая. И я собиралась тянуть её до конца. Даже если придётся заплатить любую цену.

Машина тронулась. Москва плыла мимо, яркая и равнодушная.

А я уже думала только об одном: как найти Александра Смирнова.

Я приехала домой уже в сумерках. Владимир остановил машину у подъезда, я молча поблагодарила его кивком и вышла. Голова всё ещё гудела от всего, что я слышала в банке. 1985-й, 1990-й, отменённая встреча за пять дней до смерти

отца, фамилия Смирнова. Слишком много кусочков, которые пока не складывались в цельную картину.

Я тихо открыла входную дверь, сняла туфли и хотела сразу подняться к себе. Но с первого этажа, из гостиной, доносились голоса. Громкие. Напряжённые.

Я замерла в холле.

Мама и Алексей.

Я не стала заходить. Просто прислонилась к стене у поворота коридора и прислушалась.

— Ты вообще понимаешь, о чём просишь? — голос мамы звучал резко, почти срываясь. — Это же моя дочь. Ей только восемнадцать.

— Я прекрасно понимаю, — ответил Алексей спокойно, но твёрдо. — Именно поэтому и говорю. Это не просто желание. Это необходимость.

— Необходимость? — мама рассмеялась коротко и горько. — Ты называешь это необходимостью? Втянуть ребёнка в ваши взрослые игры?

Я осторожно выглянула из-за угла. Они стояли в гостиной. Мама ходила из стороны в сторону, нервно теребя край свитера. Алексей сидел в кресле, одна нога закинута на другую, в руке бокал. Вид у него был усталый, но непреклонный.

— Лиза, хватит. Ты сама прекрасно знаешь, в каком положении мы оказались. После смерти Михаила всё повисло на волоске. Долги, старые обязательства, люди, которые ждут. Если мы сейчас не сделаем правильный шаг — нас просто

сомнут.

— И этот «правильный шаг» — использовать мою дочь? — мама остановилась и посмотрела на него в упор. — Ты хочешь, чтобы она стала разменной монетой?

— Не разменной монетой. Частью решения. Союзом. Тем, что может закрыть многие двери и открыть другие.

Мама резко развернулась к окну.

— Она ещё ребёнок. Она даже не понимает, в каком мире мы живём.

— Именно поэтому сейчас самое время, — тихо сказал Алексей. — Пока она не успела наделать ошибок. Пока ещё можно направить.

Я прижала ладонь ко рту, чтобы не выдать себя дыханием. Сердце колотилось так сильно, что мне казалось — они сейчас услышат.

— А если она откажется? — спросила мама уже тише.

— Не откажется. Если ты правильно объяснишь. Если скажешь, что это важно для семьи. Для тебя. Для неё самой.

Мама молчала долго. Потом тихо, почти шёпотом:

— Я боюсь, Алексей. Боюсь, что она меня возненавидит.

— Возненавидит — переживёт. Главное, чтобы выжила. И чтобы мы все выжили.

Она медленно повернулась к нему. Плечи были ссутулены, голос сорвался:

— Хорошо. Но давай скажем ей об этом чуть позже.

Алексей кивнул. Поставил бокал на стол.

— Времени мало. Но я подожду. Недолго.

Я всё ещё стояла за углом, прижавшись к стене. Не могла заставить себя уйти. Слишком много всего навалилось за один день, и этот разговор был последней каплей.

Вдруг сзади что-то сорвалось с полки в коридоре. Старый ботинок с глухим стуком упал на пол прямо за моей спиной.

Я замерла.

Из гостиной сразу раздался голос мамы:

— Амина? Это ты?

Мама вышла в холл почти сразу. На лице было одновременно облегчение и раздражение.

— Амина! Ты где пропадала? Владимир уже звонил. Сказал, что ты вышла в парк, а потом пропала почти на сорок минут. Ещё и телефон в машине оставила. Я уже не знала, что думать!

Я стояла у стены, стараясь выглядеть спокойной.

— Просто гуляла. Голова разболелась после школы. Нужно было пройтись.

— Прогуляться? — мама повысила голос. — Ты могла бы хотя бы взять с собой телефон, а не забыть его! Мы уже хотели ехать тебя искать. В следующий раз будешь предупреждать, куда идёшь и на сколько. Поняла?

Я кивнула.

— Поняла.

В этот момент из гостиной вышел Алексей. Он остановился в дверном проёме и молча посмотрел на меня. Взгляд был

тяжёлым, внимательным, почти пронизывающим. Я выдержала его несколько секунд, не отводя глаз.

— Где именно ты гуляла? — спросил он спокойно, но очень чётко.

— В парке. У озера.

— Долго.

— Да. Нужно было проветриться.

Он слегка наклонил голову, изучая меня.

— И телефон специально оставила в машине?

Я пожала плечами.

— Просто забыла.

Алексей ещё мгновение смотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание, но он ничего не сказал. Только кивнул один раз, будто принял ответ к сведению.

— В следующий раз бери телефон с собой. И предупреди. Понятно?

— Понятно.

Мама всё ещё смотрела на меня с тревогой, но уже тише добавила:

— Иди умывайся и ужинать. Потом сразу спать. Завтра рано вставать.

Я кивнула и направилась к лестнице. Спиной чувствовала на себе тяжёлый взгляд Алексея. Он явно не поверил, что я просто гуляла. Но пока ничего не сказал.

А я понимала: этот разговор — только начало.

Глава 8

Я проснулась без раздражения — редкость для меня в последнее время. Позволила себе полежать под пледом чуть дольше обычного, слушая утреннюю тишину дома: на кухне уже хлопотала мама, доносился запах кофе и чего-то сладкого из духовки. Завтрак прошёл неторопливо, мы лениво обменивались фразами о школе и погоде, я листала ленту новостей на телефоне, временами читая маме смешные заголовки или обсуждая что-то услышанное вчера от девочек. После завтрака помогла маме с посудой и ушла к себе читать у окна. Солнце светило мягко, настроение было ровным — не хотелось никуда спешить.

Весь день пролетел незаметно за книгой и перепиской в чате с Алиной, Дашей и Настей: обсуждали грядущую вечеринку у Мирослава Кутузова — кто во что пойдёт одетый, какой будет плейлист у диджея, спорили над слухами про «самую яркую тусовку осени», смеялись над мемами о том, как выглядят настоящие школьные вечеринки.

Ближе к вечеру я подошла к маме — она сидела за столом с чашкой чая, задумчиво глядя куда-то мимо экрана ноутбука.

— Мам... Сегодня вечером мы идём на вечеринку к Мирославу Кутузову.

Мама напряглась при фамилии «Кутузов», взгляд стал на-

стороженным, я это заметила, но не придала значения.

— Я понимаю... — сказала она медленно. — Будь осторожна там, пожалуйста. Не задерживайся допоздна. Если вдруг что — сразу звони мне или Владимиру, ладно?

Она обняла меня крепко-крепко, будто совсем не хотела отпускать, поцеловала макушку и задержалась чуть дольше, чем обычно. Стало тепло от её заботы, несмотря на то, что в голосе ощущалось лёгкое напряжение, когда прозвучала фамилия этой семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.